

Александр Ерунов
Верховный стратег

роман

Александр Ерунов
Верховный стратег. Роман

«Издательские решения»

Ерунов А. Б.

Верховный стратег. Роман / А. Б. Ерунов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839034-0

Отставной капитан Даккерейского полка Йоран Йонсен волею судеб оказывается втянут в дворцовую интригу, за которой стоит некто, именующий себя Верховным стратегом. Йорану нужно доставить канцлеру Микато письмо наследника престола, но это простое дело оказалось не таким уж и безопасным. На каждом шагу его поджидает смертельная опасность и столкновение с самим Верховным стратегом уже неизбежно.

ISBN 978-5-44-839034-0

© Ерунов А. Б.
© Издательские решения

Содержание

1. Харчевня «Старого Джекоба»	6
2. Молчаливые братья	23
3. Бургул и Эрлана	31
4. Маскарад	37
5. Канцлер Наварус Микато	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Верховный стратег Роман

Александр Борисович Ерунов

© Александр Борисович Ерунов, 2017

ISBN 978-5-4483-9034-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Харчевня «Старого Джекоба»

Доводилось ли вам когда-нибудь начинать свою жизнь сначала? Нет, конечно же, не в том смысле, чтобы вновь превратиться в розовощекого карапуза, лежащего в крохотной люльке, громко вопящего во всю глотку и постоянно пачкающего пеленки. Я веду речь о духовном понимании этих слов. Бывает же так, что один этап твоего жизненного пути внезапно заканчивается, полностью исчерпав себя, а плавного перехода в следующий почему-то не получается. Ты оказываешься на перепутье множества дорог и не знаешь, какую из них выбрать, в каком направлении тебя ждет громкий успех, а в каком в лучшем случае неудача, а то и вовсе полный провал.

Состояние это сродни тому, как если бы ты выпал за борт корабля и полетел в бездонную морскую пучину, оставляя там, на борту, все свои устоявшиеся привычки, прежних друзей и знакомых, усвоенные до мельчайших подробностей навыки прежней жизни, а главное такую милую сердцу стабильность и размеренность собственного бытия. Выплывишь ли ты или нет, это еще вопрос, но сам корабль уже уплыл далеко вперед, и возврата на его палубу для тебя нет.

Как вы уже, наверное, догадались, именно это и произошло со мной. Я, капитан императорской гвардии Даккерейского полка Йоран Йонсен, неожиданно, и в первую очередь для себя самого, оказался в отставке. Причем произошло это на самом пике моей круто восходящей вверх карьеры и отнюдь не в преклонном возрасте.

Нет-нет, не подумайте! Я вовсе не совершил какой-нибудь постыдный проступок, запятнавший своей низостью мою честь и вынудивший меня расстаться с воинской службой! Все оказалось гораздо банальней, проще и обидней для меня. У Его Величества императора Августина Третьего Лорена просто возникли некие финансовые затруднения, которые он предпочел решить за счет сокращения своей собственной армии. Наш полк был расформирован, а я, получив полный расчет и небольшие подъемные, остался без работы.

Не стану оспаривать саму необходимость принятого Его Величеством решения, хотя время для него, на мой взгляд, было выбрано нашим обожаемым монархом не самое удачное. Ситуация в империи была далека от безмятежного спокойствия. То и дело возникали беспорядки во всех его концах, да и на границах частенько случались конфликты, а иногда и весьма даже кровопролитные. Гораздо большее удивление у меня вызвало то, что его выбор пал именно на наш полк.

Даккерейцы всегда отличались отменной выучкой и храбростью. Их отправляли туда, где возникала смута, где совершались варварские набеги недружественных соседей и творились чудовищные в своей кровавости дела, туда, где возникала нужда в решительных действиях и беззаветной преданности короне. И даккерейцы всегда с честью выполняли свой воинский долг. Их конкретные имена возможно и не были широко известны каждому жителю империи, но благодаря этим безымянным солдатам сам полк заслужил в народе добрую славу и глубокое уважение. Без ложной скромности могу сказать, что даккерейцы были самым боеспособным полком во всей императорской гвардии. И вот эту-то проверенную в боях воинскую элиту Его Величество объявил более не нужной трону! Как хотите, но я этого не понимаю!

Возможно, кто-то из вас скажет, что я преувеличиваю заслуги даккерейцев, и что если расспросить воинов других полков, то они опишут их славную историю в не менее громких и пышных словах. Но вот что я вам скажу – вы поговорите с простыми людьми, населяющими окраины Лоренваля, и они честно расскажут о том, кто приходил к ним на помощь в трудную минуту, а кто лишь на бумаге числился воином.

На мой взгляд, здесь явно не обошлось без грязного интриганства, присущего столичной военной аристократии. Наш полк, как я уже сказал, постоянно направлялся в самые горячие точки империи, а в Лабрассе, нашей неувядающей столице, почти никогда не задерживался надолго. Мы не участвовали в пышных парадах, проводимых для ублажения Его Величества, не имели того столичного лоска, который был отличительной особенностью роты охраны императорского дворца. Мы просто честно делали свое дело, защищая Лоренваль от внешнего и внутреннего посягательства, но, как выяснилось, этого было слишком мало для того, чтобы занять прочное место в сердце монарха.

Те, кто всегда на виду, имели гораздо больше шансов доказать свою необходимость трону, чем несущие службу вдаль от Лабрассы. У них были для этого все шансы: и, как я уже говорил, внешний лоск, и парадная выправка, и могущественные связи в окружении императора. Племенной конь ведь тоже ценится гораздо выше рабочей лошадки, хотя он мало приспособлен для того, чтобы пахать на нем землю.

Ну да бог с ним. Не буду больше утомлять вас своим нытьем. Как говорится, что ни делается – все к лучшему. Раз уж моя военная карьера не задалась, придется искать себе новое место в жизни. Мне ведь еще нет и тридцати, так что все дороги передо мной открыты.

Я пока не решил, стоит ли мне возвращаться домой в поместье Дробенхейм, принадлежащее моему отцу и старшему брату, или заняться каким-нибудь собственным делом. Скорее уж второе. Дома меня особо не ждут, прав на наследство согласно нашим законам я не имею, а быть наемным работником при своих же родичах мне, познавшему вкус хоть какой-то, но все же власти, было как-то не интересно. Поэтому я шел, куда глаза глядят, хотя, если уж говорить до конца честно, старался не слишком уклоняться в сторону от направления к Дробенхейму.

Уже заметно смеркалось, и мне стоило подумать о ночлеге. Я провел в пути почти целый день. Шел быстро, хотя ничто вроде бы не подгоняло меня вперед, так что отдохнуть мне совсем не помешало бы. Осень постепенно вступала в свои права. Листья, окрашенная золотом и багрянцем, бесшумно падала на землю, образуя под ногами шелестящий пестрый ковер. Днем пока еще было тепло, но вот по ночам уже частенько случались заморозки, а потому найти крышу над головой для меня было бы как нельзя кстати. Я уже давно посматривал по сторонам, в надежде найти хоть какие-то признаки жилья, и, наконец, всемогущие боги смилостивились надо мной. Примерно в миле впереди показался довольно крупное селение, обнесенное высоким бревенчатым частоколом, и я тут же машинально прибавил шаг.

Здесь, на севере, люди предпочитали жить большими общинами, поскольку места эти с давних пор считались глухими и опасными, так что от беды подальше лучше иметь под боком надежного соседа. Кого они опасались? Да мало ли лихого люда бродит по дорогам отдаленных от центра провинций и занимается разбоем?! Это только в окрестностях Лабрассы тишь, гладь да божья благодать, а здесь ведь не столица – север! Тут и люди другие, и орочьи банды наглее, и даже обычно трудолюбивые и добропорядочные гномы нет-нет, да и переступят черту дозволенного. Иногда, особенно по зиме, случалось, что вечно голодные тролли сбивались в стаи и выходили из лесных чащоб ближе к человеческому жилью. В таких случаях взаимовыручка и вовсе была жизненно необходима.

Судя по надписи на доске, приколоченной к врытому в землю столбу, деревня эта называлась Хагантана. Подойдя к массивным дубовым воротам, перекрывавшим въезд в селение, я постучал в них рукоятью меча. Некоторое время никто мне не отвечал, затем раздался противный скрип двери сторожки, и заспанный, недовольный голос сердито буркнул:

– Кого там еще нелегкая несет, на ночь глядя?!

– Меня зовут Йоран Йонсен. Я отставной капитан Даккерейского полка императорской гвардии. Хотел бы заночевать в вашем селении.

Дощатое оконце в створке ворот приоткрылось, и в нем появилась опухшая, заросшая клочковатой бородой физиономия сторожа.

– Не велика птица, – окинув меня оценивающим взглядом, сварливым тоном проворчал он. – Чего барабанишь, людей будоражишь, словно вельможа какой?! Не видишь, закрыто уже!

В который раз я убеждался в том, что, сменив военный мундир на гражданскую одежду, перестал быть представителем власти, вызывающим беспорное уважение граждан Лоренваля. Попробовал бы этот сторож поговорить таким тоном со мной, капитаном Йораном Йонсеном, прежде! Да он не только распахнул бы ворота сразу, но еще и проводил меня лично до нужного места! А теперь, видите ли, не вельможа!

Увы, но такова наша жизнь! Пока ты в силе и при власти, со всех сторон тебе оказывают почет и уважение, но стоит утратить бывшее влияние, как на тебя сразу же начинают презрительно поглядывать свысока. Так что, как это ни обидно, но мне приходилось привыкать к своему новому положению.

Однако столь недружелюбный прием ничуть не смутил меня. Я отлично знал эту породу людей, а также мне был известен верный способ завоевать их расположение. Порывшись в кармане, я достал пару медных монет и протянул их сторожу.

– Ладно, черт с тобой, – тут же смягчился он. – погоди, сейчас открою.

Погрохотав засовами, он приоткрыл створку ворот.

– Заходи, солдат. Постоялый двор найдешь прямо по дороге, возле колодца.

Не мешкая, я проскользнул в щель между створками, вежливо поблагодарил сторожа и пошел в указанном направлении. За спиной вновь послышался грохот засовов, а затем шаркающие шаги и уже знакомый скрип двери. Доблестный страж ворот отправился досматривать свои сны, столь бесцеремонно прерванные мною.

Колодец, благодаря возвышавшемуся над ним журавлю, я увидел сразу, да и постоялый двор перепутать с каким-либо другим сооружением тоже было сложно. Он представлял собой большой бревенчатый двухэтажный дом, вдоль главного фасада которого располагалась деревянная галерея, огороженная резными перилами. Само по себе сооружение казалось не слишком замысловатым, но посеревшее от времени дерево и искусная работа резчика придавали ему некий своеобразный шарм старины.

Судя по всему, на первом этаже располагалась харчевня, а второй был отдан под комнаты для постояльцев и жилье хозяев. За окнами, часто изрешеченными переплетами, кое-где тускло горел свет, а из кухни доносился до одурения аппетитный запах жаркого. Надо сказать, что к тому времени уже совсем стемнело, а потому свет в окнах зазывно манил меня к себе, обещая на предстоящую ночь тепло и уют. Ну а аромат еды предвещал еще и отменный горячий ужин.

Я миновал несколько ступенек и потянул на себя дверь. Моему взору предстало просторное полутемное помещение, уставленное грубо сколоченными столами. За ними сидели человек пятнадцать посетителей и вели неторопливую беседу. Скорее всего, большинство из них было местными жителями, и постоялый двор являл собой средоточие всей светской жизни мужской половины этого сельского захолустья.

Из тех, кто явно не принадлежал к обитателям Хагантаны, можно было выделить только огромного роста мужчину, одетого в белый плащ рыцарей ордена эонитов с рубинового цвета восьмиконечной звездой, вышитой на спине. Он сидел за отдельным столиком с юношей, а скорее даже мальчиком, которому на вид было лет пятнадцать. Возможно, мальчик был сыном рыцаря или каким-то близким родственником, но никак уж не слугой или

оруженосцем. Одет он был так, как подобает юному отпрыску знатной фамилии – богато и по последней столичной моде.

Об этом ордене я знал не много. Каких-либо значимых воинских подвигов на счету эонитов не числилось, а все другие стороны их жизни меня мало интересовали. Появились они в империи лет десять тому назад, но как говорят некоторые знатоки, история ордена на самом деле насчитывала уже не одно столетие, и, несмотря на малую известность, он был несметно богат. В основном эониты занимались просветительской деятельностью, собирая под свои знамена всех тех, кто имел неодолимую тягу к знаниям.

Почему они выбрали для своих целей форму рыцарского ордена, для меня, честно говоря, оставалось загадкой, но в том, что сидевший за столом их представитель является именно воином, а не каким-нибудь книжным червем, посвятившем себя научным изысканиям, сомневаться не приходилось.

Появление незнакомца не осталось незамеченным, и полтора десятка пар любопытных глаз тут же изучающее уставились на меня. поприветствовав всю честную компанию, я не спеша прошел к стойке, за которой, надо полагать, величественно восседал сам владелец этого заведения.

– Вечер Вам добрый, почтенный хозяин, – обратился я к нему. – Могу ли я снять у Вас комнату на денек-другой?

– Отчего же нет, – солидно ответил тот. – Комнат у меня в достатке, да и народу в это время года не так много.

– Прекрасно! – улыбнулся я. – А перекусить что-нибудь найдется? Да и выпить кружечку-другую эля я, если честно, тоже не отказался бы!

– Деньги имеются, так почему бы нет?

– Ну, за этим дело не станет.

Я достал два серебряных флорина и протянул их хозяину. За ночлег и ужин это была более чем приличная плата.

– Вот и славно, – кивнул головой хозяин и, протянув мне руку, представился: – Джекоб Гарвидж, владелец этого заведения. Наши оболтусы называют меня Старый Джекоб, а некоторые просто стариной Джеком.

– Йоран Йонсен, – ответил я. – Отставной капитан Даккерейского полка.

– А, как же! Слышал! – кивнул старина Джек. – Не слишком-то красиво с вами поступили. Даккерейцев уважали все порядочные люди Лоренваля, а вот бандиты и всякого рода разбойники сильно побаивались.

– Что поделаешь, – печально вздохнул я. – На все воля Его Величества.

– Что же, Йоран, идем, я покажу тебе твою комнату. Бросишь там свои вещички, а потом спускайся вниз. Что-нибудь соображу тебе на ужин.

Старина Джек произвел на меня приятное впечатление. Это был крупный мужчина лет пятидесяти-шестидесяти с солидным брюшком, заметно нависающим над поясом. Лицо у него было круглое, с пышными усами и добродушной улыбкой под ними, волосы седые и коротко остриженные.

Несмотря на то, что в Хагантане Гарвидж наверняка был самым состоятельным человеком, держался он просто, ничем не показывая своего превосходства над остальными. То, что хозяин первым представился мне, тоже говорило в его пользу. Да и сама харчевня выглядела чистенькой и весьма уютной. Скорее всего, семейство Гарвиджей владело этим постоялым двором не одно поколение, и каждая мелочь из хозяйственной утвари занимала свое, годами узаконенное место.

Мы поднялись на второй этаж, и старина Джек, порывшись в связке ключей, открыл мне дверь в небольшую комнату. Обстановка в ней была довольно скромная: топчан на коз-

лах с набитым сеном тюфяком на нем, небольшая подушка и грубое шерстяное одеяло. Рядом с топчаном стоял высокий сундук, в который можно было сложить свои пожитки. Он же, по всей видимости, служил и столом. Из мебели имелась еще табуретка, а в углу возле двери висел медный рукомойник с деревянной бадьей под ним.

– Вот, владей! – скептически усмехнулся старина Джек. – На два дня все это богатство поступает в твое полное распоряжение!

– Шикарно! – в тон ему ответил я. – Ну, прямо императорский дворец!

– Дворец не дворец, а комната теплая, – улыбнулся Гарвидж. – Прямо под ней находится кухня, так что ночью уж точно не замерзнешь.

Он собрался уже уходить, но тут, неожиданно вспомнив правила хорошего тона, задал вопрос:

– Да, я ведь даже не спросил, может быть, ты хочешь, чтобы ужин тебе принесли сюда?

– Нет, лучше уж внизу, – ответил я. – Там хоть поговорить с кем-нибудь можно будет.

А то за время пути я уже успел истосковаться по дружескому общению.

– Вот и славно! – обрадовался старина Джек. – А то завсегдатаи мои между собой все темы уже давно перетерли, так что им каждый новый человек, как подарок к празднику.

Напевая себе под нос какую-то незамысловатую песенку, Гарвидж вышел из комнаты. Я открыл сундук, бросил туда свою котомку и меч, после чего присел на тюфяк. Здесь действительно было тепло, можно даже сказать жарко, поэтому плащ я тоже снял и отправил его вслед за остальными пожитками. После нескольких дней, проведенных под открытым небом, даже такое убогое жилище показалось мне настоящим раем, и невольно подумалось, что неплохо бы задержаться здесь подольше, чем на пару дней. А что?! Местечко тихое, хозяин доброжелательный! Торопиться-то мне все равно некуда!

Посидев минут пять, я вышел в общий зал. Мне действительно хотелось скрасить этот вечер душевной беседой, порасспросить о здешних местах, может быть получить какую-нибудь полезную для себя информацию, ну и порадовать местную публику свежими новостями, конечно, тоже. Рассказчиком я был неплохим, да и за годы службы занятных историй со мной произошло тоже немало.

За то время, пока я отсутствовал, внизу ничего не изменилось. Старина Джек занял свое законное место за стойкой, посетители не спеша потягивали эль, некоторые из них пыхтели короткими трубками, выпуская изо рта клубы вонючего дыма местного самосада. Я подошел к хозяину, и он, кивнув мне, предложил занять место за любым понравившимся столом. Мой выбор пал на тот, где было больше всего народу. По собственному опыту я знал, что там собирается самая общительная и разговорчивая публика.

– Присаживайся! – поприветствовал меня один из завсегдатаев. – Откуда путь держишь и куда?

Я представился и присел за общий стол. Беседа завязалась быстро и проходила весьма непринужденно. Мои рассказы о жизни Даккерейского полка пользовались большим успехом. Я заметил, что к ним прислушиваются не только мои соседи по столику, но и все прочие посетители харчевни, не исключая рыцаря-эонита и его юного спутника. Мальчик вообще смотрел на меня, не отрывая глаз, словно боялся пропустить хотя бы одно сказанное мной слово.

Пока шел разговор, в харчевню вошли трое развязных парней и вызывающе окинули взглядом зал. Один из них был невысокого роста, щуплый на вид и с чрезвычайно подвижной пластикой лица, из-за чего создавалось впечатление, что парень все время кривляется. Двое других напротив – высокие и широкоплечие, причем тот, что пошире и покрепче, был еще и орком. Я не обратил на вошедших особого внимания – мало ли кто заходит под вечер пропустить пару-другую кружек хмельного напитка, но вот мои сотоварищи по застолью

как-то разом притихли и уткнулись носом в свои посудыны, явно стараясь не привлекать к себе лишнего внимания.

– Что случилось? – тихо спросил я своего соседа справа, плотника по имени Боб.

– Это люди Черного Волка, – шепотом ответил тот. – Если уж заявились сюда на ночь глядя, то точно жди неприятностей!

Тем временем вся разухабистая троица подошла к Старому Джекобу, и мелкий кривляка пискливым фальцетом потребовал:

– Эй, старик! Налей-ка нам по кружке эля, да поживее! У нас с ребятами просто в глотке пересохло!

– Хочу напомнить, что вы еще не заплатили мне за вчерашнюю выпивку, – сухо ответил Гарвидж. – Да и три дня назад тоже угощались даром. Ты принес деньги, Уилл? За вами долг в пять флоринов.

– Брось жадничать, старик! – беззаботно рассмеялся кривляка. – Пять флоринов – это же такая мелочь!

– Мелочь не мелочь, а пока не рассчитаетесь по долгам, больше ничего не получите! – сурово отрезал старина Джек.

Мне понравилось, как он держался. Наглецов всегда надо ставить на место, и Гарвидж сделал это не грубо, но решительно.

– Я что-то не понял, эта старая крыса еще чем-то недовольна?! – грозно рявкнул орк, и его по-кошачьи зеленые глаза выкатились из орбит. – Да любой другой за счастье посчитал бы угостить выпивкой таких бравых парней, как мы!

Он подошел к стойке и своей когтистой лапой сгреб старину Джека за грудки.

– Вот что, старая развалина, я тебе скажу! Или ты наливаешь нам по пять кружек эля и платишь десять флоринов каждому за нанесенное оскорбление, или пеняй сам на себя!

Я молча встал из-за стола и подошел к стойке. Наглость этой троицы уже перешла всякие границы, а мне, капитану императорской гвардии, хотя и бывшему, не к лицу было стоять в стороне, когда негодяи обижают хорошего человека. Да и после моих рассказов о славном прошлом нужно было делом доказывать, что дух даккерейца из меня не выветрился, и мои героические байки не были бессовестными враками никчемного хвастунишки.

– Вот что, парни! – пока еще миролюбивым тоном сказал я. – Шли бы вы отсюда подобру-поздорову!

Орк отпустил старину Джека, повернулся и с недоумением уставился на меня своими выкаченными глазами.

– Это еще что за заступник такой выискался?! – криво усмехнулся он. – Хочешь драки?!

– Нет, – спокойно ответил я. – Просто хочу, чтобы ты убрался отсюда.

Морда орка исказилась яростью. Он судорожно сжал кулак и замахнулся на меня. Спору нет, орки народ в потасовке крепкий, но вот только не слишком-то поворотливый. Мне не составило особого труда уклониться от его сокрушительного удара, направленного прямо в голову, а затем молниеносно провести ответный, ногой в солнечное сплетение. Мой противник охнул и согнулся пополам. Схватив со стойки увесистую кружку, я с силой отоварил его ею по загривку. Кружка разлетелась вдребезги, орк рухнул на колени, а затем растянулся на полу. Одного я уже выключил из драки, но оставались еще двое.

Второй здоровяк, белобрысый детина лет двадцати, бросился на меня, мелкий кривляка выхватил нож. Они, как видно, еще не поняли, что имеют дело не с каким-нибудь трактирным забиякой, а с настоящим воином. Белобрысого я встретил коротким ударом кулака, раздробившим ему переносицу. Он взревел от боли и схватился руками за лицо, размазывая по щекам кровавые сопли. Этот только с виду был грозен, а на деле оказался сосунок сосунком.

Оставался еще мелкий с ножом, самый отвратительный и наглый из всей компании. Его я оставил себе на десерт. Он заметно трусил, оказавшись со мной один на один, все время пятился, но ножиком махал исправно, изображая из себя завязтого бойца. Я загнал его в угол, отобрал опасную игрушку, а затем, схватив за шиворот, подтащил к стойке. Завсегда-таи дядюшки Джекоба, до этого молча наблюдавшие за творимой мной расправой, теперь восхищенно загалдели. Где же вы раньше-то были, соколы мои родные?! Вас же гораздо больше, чем этих негодяев! Да и как показала практика, не такие уж они и страшные!

– Ну что, господин Гарвидж?! – сказал я. – Кажется, этот паренек готов расплатиться с Вами?! Или я не прав?

– У меня только три флорина есть, – густо покраснев, уныло пискнул мелкий. – Я потом принесу все остальное. Честное слово!

– Ну уж нет! – рассмеялся я. – Цена твоего слова нам хорошо известна, да и насчет наличия у тебя чести я тоже сильно сомневаюсь! А твои приятели что же? Совсем голь перекатная?

– Мы не взяли с собой денег, – совсем сник он. – Правда, ничего нет.

– Как скажешь, хозяин? – спросил я старину Джека. – Может, вещичками какими возмешь? Вот ножик есть неплохой. А то, если не побрезгуешь, куртку или штаны с этого франта могу предложить!

– Бери, бери, Джекоб! – весело загоготали в зале. – Будет забавно посмотреть, как эти герои без порток отсюда отправятся!

– Не нужно мне их вещей, – устало вздохнул Старый Джекоб. – Справда-ка ты их лучше отсюда, а то и так потом неприятностей не оберешься.

– Ну, не надо, так не надо, – согласился я. – Тебе виднее. Так я провожу гостей-то?

– Валяй, – без особого энтузиазма в голосе кивнул Гарвидж.

Я подтащил мелкого к двери, распахнул ее настежь и, подтолкнув своего пленника вперед, отвесил ему крепкого пинка по мягкому месту. От приданного ускорения кривляка пробежал несколько шагов, а затем запнулся и кубарем скатился с лестницы. Краем глаза я заметил, как рыцарь-эонит встал из-за своего столика, что-то тихо сказал мальчику, жестом отправив его наверх в комнату, и подошел ко мне.

– Помощь не нужна? – спросил он.

«Ну, хоть у одного совесть взыграла! – насмешливо подумал я. – Рыцарь все-таки, не кот начхал! Только где же была твоя рыцарская доблесть раньше, когда трое наглецов издевались над беззащитным стариком?!».

Но вслух ничего такого я, конечно, говорить не стал. Позывы к доброте надо поощрять, и уж ни в коем случае не стоит отталкивать протянутую тебе руку помощи.

– Что же, давай выставим отсюда остальных, – вслух предложил я.

Мы сгресли за шиворот белобрысого, который не стал даже сопротивляться, и отправили вслед за кривлякой. Этот так и не смог взять себя в руки. Он все время всхлипывал, как ребенок малый и хлюпал расквашенным носом. С орком пришлось немного тяжелее. Он еще не совсем очухался, и смог только встать на четвереньки, тупо мотая при этом гудящей от удара головой. Его пришлось тащить к двери за ноги волоком. Кости у орков очень тяжелые, так что весил он ничуть не меньше мешка с камнями, но совместными усилиями мы справились и с этой задачей. Прогрохотав башкой по ступеням крыльца, орк окончательно успокоился, и мы с рыцарем оттащили его к колодцу.

– Неплохо ты их отделал, – протягивая руку, сказал эонит. – Родерик Эмерли к твоим услугам.

– Йоран Йонсен, – кивнул я, отвечая рукопожатием.

Мы вернулись в харчевню Старого Джекоба. Сам хозяин так и оставался на своем месте, но выглядел каким-то растерянным.

– Я что-то не так сделал? – подходя к нему, тихо спросил я. – Мне не стоило вмешиваться в ваш конфликт?

– Нет, капитан, – вздохнув, ответил старина Джек. – Все правильно, наглецам нужно давать отпор, иначе они совсем на голову сядут.

– Я уже не капитан, – поправил его я.

– Нет, Йоран, – возразил он. – Ты настоящий капитан даккерейцев и останешься им на всю жизнь.

– Что тебя беспокоит?

– Черный Волк, – вздохнул дядюшка Джекоб. – Он не оставит этого происшествия без внимания. Понимаешь, за последнее время его банда уже привыкла считать Хагантану чем-то вроде своей вотчины. Мы сами во многом виноваты, не дали им отпора сразу. Сначала надеялись договориться, а потом стало уже поздно. Черный Волк и его люди запугали каждого поодиночке, вот теперь все и сидят по углам, прижав хвосты.

– И много у него людей?

– Человек десять-двенадцать, – ответил старина Джек. – В основном обычная шпана, но вот сам Волк...

– Что, очень сильный боец?

– Возможно. Говорят, будто он самый что ни на есть настоящий берсерк.

– Берсерк? – недоверчиво присвистнул я. – Ну, это вряд ли! Станет такой воин связываться с обыкновенными бандитами?! Родерик, как ты думаешь?

– Я вообще считаю, что все эти рассказы о невероятной силе и ярости в бою берсерков не более чем суеверные заблуждения безграмотных обывателей, – презрительно ухмыльнулся Эмерли.

Я был не до конца согласен с рыцарем, но в его словах была какая-то доля правды. Слишком уж много развелось тех, кто во всеуслышание объявлял себя берсерком, но на самом деле ни в коей мере не обладал этим редким даром. На то было множество причин, и благоговейный ужас окружающих, навеянный рассказами об их воинских подвигах, занимал в этом списке далеко не самое последнее место. Скорее всего, в случае с Черным Волком все было именно так. Ему просто захотелось стать неоспоримым лидером среди бандитов, вот он и выдал желаемое за действительное.

– Ну, так как, Родерик? – спросил я у Эмерли. – Проверим этого мнимого берсерка на вшивость?

По лицу рыцаря пробежала легкая тень сомнения.

– Я бы с радостью помог тебе, Йоран, – старательно подбирая слова, произнес он. – Терпеть не могу всевозможных мошенников и всегда готов разоблачить их. Единственное, что останавливает меня – это мальчик, мой спутник. На мне лежит ответственность за него, и мой долг в первую очередь защищать его.

– Он твой сын? – поинтересовался я.

– Нет, – коротко ответил Эмерли.

Я думал, что он расскажет мне о том, что его связывает с этим юношей, но рыцарь ограничился одним единственным словом. Видимо, у него были какие-то свои причины не особо распространяться на эту тему.

– О мальчике можете не беспокоиться, сэр Родерик! – живо откликнулся старина Джек. – Наверху он будет в полной безопасности. Да и наши мужики тоже помогут. Правда?

По залу прошел не слишком-то дружный гул голосов, выражающий, как я понял, робкое согласие. Поселянам до чертиков надоел этот Черный Волк со своей бандой, но они были изрядно запуганы им. Моя победоносная стычка с бандитами придала им немного смелости, но наличие второго опытного воина в наших рядах могло добавить уверенности в собственных силах.

Все было в руках Родерика Эмерли, а перед ним открылась сложная дилемма. Как рыцарь, он не мог позволить себе прослыть трусом перед этими людьми, но был еще какой-то долг перед мальчиком, суть которого эонит явно не собирался мне объяснять. В конце концов, гордость все же взяла верх, и Эмерли произнес:

– Хорошо, я в деле!

– Отлично! – кивнул головой я. – Тогда мне стоит сходить за своим мечом. Со шпаной можно разделаться и голыми руками, а вот с берсерком, хотя бы и мнимым, вряд ли. Дыма без огня не бывает, и если уж этот Волк назвался им, значит, хоть какие-то навыки, положенные взятой на себя роли, имеет.

Родерик молча кивнул. Я поднялся к себе в комнату, открыл сундук и достал из него свою «Стрекозу». Это имя дать мечу пришло мне в голову отнюдь не случайно. Его гарда по своей форме очень напоминала сложенные крылья этой стремительной летунии, вот прозвище как-то сразу и приклеилось.

Вообще-то меч был очень неплохой, я бы даже сказал отличный. Судя по клейму, изготовлен он был в Арутане, а уж там-то знали толк в оружии. Мне он достался в качестве трофея во время одной из стычек с мятежными эльфами, усмирять которых был послан наш Даккерейский полк. Мои друзья чуть не лопнули от зависти, когда увидели какое сокровище оказалось в моих руках, а капитан Филс даже предлагал за него весьма приличную сумму денег. Но я отказал ему. Меч для солдата – это лучший друг и товарищ в бою. Ему ты доверишь свою жизнь, а она стоит гораздо дороже любого золота. Во всяком случае, для тебя самого.

Я повесил «Стрекозу» на пояс и, выйдя из комнаты, нос к носу столкнулся с мальчиком, спутником Эмерли.

– Извините, капитан, – боязливо озираясь по сторонам, тихо произнес он. – Не могли бы вы уделить мне пару минут?

– Чуть позже, парень, – похлопав мальчика по плечу, ответил я. – Вот проучим с твоим дядей местных бандитов, и я обязательно поговорю с тобой.

– Эмерли вовсе не мой дядя, и он ни в коем случае не должен знать о нашем разговоре, – горячо возразил юноша.

– Ты говоришь какими-то загадками, – пожав плечами, ответил я. – Честно говоря, мне пока ничего не понятно из твоих слов.

– Я принц Эмильен, сын императора Августина, – неожиданно заявил мальчик. – То, о чем я Вас прошу, дело государственной важности.

Видя сомнение в моих глазах, он засунул руку за ворот своей рубахи и извлек оттуда висящую на цепочке печатку, изображающую императорский герб Лоренов. Принца Эмильена мне доводилось видеть пару раз, и внимательно присмотревшись к мальчику, я нашел, что он и в самом деле очень похож на него. Вкупе с императорской печатью его слова выглядели очень убедительно.

– Вы ведь приносили присягу на верность императору? – настойчиво продолжил принц.

– Да, но Ваш отец лично освободил меня и моих товарищей от нее, – ответил я. – Хотя в данном случае это не имеет никакого значения. Чем могу служить Вашему Высочеству?

– Мне необходимо, чтобы Вы передали письмо канцлеру Наварусу Микато, – ответил принц. – В нем содержатся очень важные сведения, касающиеся безопасности Лоренваля. Вы должны отдать его лично в руки канцлеру, а не кому-либо из его окружения, и даже не моему отцу. Именно Наварусу. О награде можете не беспокоиться. Канцлер щедро оплатит Вам эту услугу.

– У Вас какие-то проблемы? – с тревогой в голосе спросил я. – Вам ничего не угрожает? Если что, то я вполне могу доставить Вас во дворец.

– В этом сейчас нет никакой необходимости, – помотав головой, ответил Эмильен. – Я в полной безопасности. Вот письмо. Возьмите его и идите, а то сэр Родерик заметит Ваше слишком долгое отсутствие. И ради всех богов, не говорите ему о нашей беседе!

Принц сунул мне в руки запечатанный сургучом пакет и быстро юркнул в дверь своей комнаты. Так ничего толком и не поняв, я сунул письмо за пазуху и спустился вниз. Во всей этой истории определено что-то было не чисто. Родерик Эмерли, не слишком-то распространяющийся о своем спутнике, сам принц, тайком от него отправляющий послание канцлеру.

И вообще, почему Эмильен оказался здесь, в такой глуши? Причем в сопровождении только одного воина, практически без охраны? Все это никак не укладывалось в моей голове, но времени на раздумья у меня сейчас не было. С минуты на минуту в харчевню мог нагрянуть Черный Волк со своими людьми, и необходимо было дать им соответствующий отпор.

Пока я отсутствовал, сэр Родерик Эмерли наскоро организовал отряд самообороны. Как ему это удалось, не могу сказать. Запуганные селяне не казались мне такими уж надежными союзниками, но зониты славились своим красноречием, и вполне возможно, что слова рыцаря каким-то образом вдохновили их. Вооружились они кто чем смог, в основном из того, что нашлось в хозяйстве дядюшки Джекоба.

– Ну, как настроение, орлы?! – бодрым голосом спросил я. – Зададим им жару?!

«Орлы» нестройными голосами ответили мне робким согласием.

– Родерик, Волка я возьму на себя, – сходу начал планировать бой я. – А ты с остальными парнями проследи за тем, чтобы бандиты не лезли в наш поединок. Если удастся нейтрализовать главаря, то его подручные тут же наложат в штаны. Что это за публика вы все уже видели. Храбры они только до тех пор, пока не получили настоящего отпора.

Я старался выглядеть как можно увереннее. Все, что я говорил про Волка и его бандитов, касалось ведь и нашего отряда тоже. Если командир дает своим подчиненным понять, что знает, каким образом нужно действовать, чтобы одержать победу, то его уверенность передается и всем остальным воинам тоже. И наоборот, нерешительность лидера подрывает их веру в свои собственные силы.

Эту непреложную истину я отлично усвоил за годы армейской службы. Меня, конечно, немного беспокоило то, что я ничего не знал о своем противнике, но это были мои сложности, о которых остальным сообщать было совсем не обязательно.

Минут через десять дверь, грубо выбитая ногой, с грохотом распахнулась, и на пороге появились бандиты. На наше счастье, Черный Волк не стал откладывать сведение счетов со мной в долгий ящик. Вы спросите, а почему же на счастье? Все очень просто. Поддерживать боеспособность отряда длительный срок весьма сложно. Ожидание, как та самая ржавчина, разъедает ее, бойцы начинают думать о том, что же будет, и, как правило, воображение начинает рисовать им самые пессимистические картины. Так что в этом смысле нам действительно повезло. Бандиты появились быстро, и боевой пыл хагантанцев еще не успел остыть.

Их было двенадцать. Черного Волка я выделил из общей массы сразу же, и вовсе не благодаря какой-то особой проницательности. Просто одет он был весьма экзотическим образом. На Черном Волке была безрукавка из волчьей шкуры мехом наружу, скроенная так, что волчья морда служила ему чем-то вроде капюшона, а на ногах высокие меховые сапоги до колена. Штанов в общем понимании этого слова на нашем «берсерке» не было. Вместо них его чресла на манер набедренной повязки опоясывала еще одна шкура. Сам Волк был

высок ростом, а его обнаженные бицепсы и ляжки имели внушительный объем и точеную форму.

Что же, на простого обывателя вид этого типа и впрямь мог произвести серьезное впечатление, но именно внешний вид главаря окончательно убедил меня в том, что берсерк он липовый. Слишком уж его одеяние напоминало некий хорошо продуманный карнавальный костюм. Да, я слышал о том, что некоторые из берсерков для устрашения противника идут в бой полуобнаженными, но чтобы они в обыденной жизни обходились таким пикантным костюмом как-то не припомню.

Кроме того, глаза Черного волка, несмотря на грозный вид, слегка бегали. Он явно нервничал, поскольку ему сейчас предстояло доказать свою состоятельность в настоящем поединке, что тоже говорило в пользу моей догадки. Истинные берсерки в бою испытывают некое особое состояние эйфории. Страх и осторожный расчет чужды им так же, как и диким зверям, чей дух входит в них в такой момент. Именно потому их так трудно победить – о поражении они даже и не задумываются. А вот Черный Волк чего-то опасался, и это было заметно.

Но не буду больше утомлять вас своими длинными рассуждениями. Это сейчас, когда вся эта история уже осталась в прошлом, можно все детально разобрать и разложить по полочкам. Тогда же времени на это у меня просто не было, и уверенность в том, что Черный Волк не тот за кого себя выдает, родилась где-то на уровне подсознания.

– Ну? Кто? – окинув грозным взглядом харчевню, прохрипел Черный Волк.

– Этот, – указывая на меня, пискнул давешний мелкий кривляка. – Он и Архварка по башке отоварил, и Сэму нос сломал.

Главарь подошел ко мне и уставился сверлящим взглядом. Наверное, после этого я должен был затрепетать перед «грозным берсерком» и молить его о пощаде, но меня от всего происходящего почему-то все больше и больше разбирало легкомысленно-веселое настроение.

– Ляжки не мерзнут? – насмешливо спросил я. – Ты бы хоть штаны надел, а то ведь зима скоро. Так и простудиться недолго. Погода сейчас очень обманчива.

Черный волк побагровел от ярости, глаза его налились кровью.

– Я порву тебя на куски! – злобно рявкнул он, после чего оскалил зубы и зарычал.

Так, вероятно, в его понимании должна была выглядеть ярость берсерка, но меня этот дешевый спектакль только еще больше рассмешил.

– Ну, напугал! – хохотнул я. – Рычишь, прямо как настоящий волк! Да и псиной от тебя тоже изрядно пахнет.

Этого оскорбления Черный Волк уже не смог вынести и моментально обнажил свой меч. Но я был готов к такому повороту событий. За мгновение до того, как на меня обрушился удар, в моей руке оказалась Стрекоза, которая без особых проблем его парировала. Бандиты собирались броситься на помощь своему предводителю. Это было в их стиле – всей стаей на одного, но Родерик Эмерли тоже не сплеховал, и его отряд самообороны быстро оттеснил бандитов от места поединка.

Мы остались с глазу на глаз. Надо отдать должное, бойцом Черный Волк был вполне приличным, но ему мешало то, что он был вынужден все время атаковать. К этому его обязывала взятая на себя роль берсерка, в то время как я мог самостоятельно определять стратегию поединка в любом подходящем для меня ключе. Торопиться мне было некуда, поэтому на первых порах я лишь отражал яростные наскоки главаря бандитов. Волк же, несмотря на огромную физическую силу, постепенно начинал выдыхаться. Его движения становились чуть медленнее, хотя сами удары все еще оставались резкими и мощными.

Со стороны могло показаться, что он полностью владеет инициативой, а я только и делаю, что кое-как отбиваюсь от его бешенных атак. Бандиты именно так и подумали. Они

оживились, стали поддерживать своего главаря одобрительными выкриками, в то время как мои сторонники слегка приуныли. Но я полностью контролировал ход поединка и, не прилагая больших усилий, шаг за шагом шел к своей цели. Черный Волк взмок, его дыхание участилось, выпады становились все менее опасными. Это был явный сигнал того, что мне пора переходить от обороны к более решительным действиям.

Как пружина, которая под давлением сжимается, но, дойдя до критической точки, начинает распрямляться, я провел мощную контратаку в фирменном стиле даккерейцев. Черный Волк уже ничего не мог противопоставить ей. Сил у него не оставалось, да и в защите он выглядел явно слабее, чем в нападении. Главарь бандитов запаниковал, пропустил пару ударов, окрасивших кровью плечо и бедро, глаза его нервно забегали по сторонам в поисках пути к спасению.

Возможно, Черный Волк и сиганул бы в окно или дверь, но я не дал ему такой возможности. Отточенным приемом обезоружив противника, я нанес ему сокрушительный удар рукоятью меча по голове. Мнимый берсерк рухнул, и это послужило сигналом для Родерик Эмерли и его отряда. Они бросились на бандитов, сопротивление которых оказалось вялым и чисто символическим. После недолгой стычки люди Черного Волка побросали оружие и сдались на милость победителя.

Пока селяне связывали пленных, Родерик подошел ко мне и протянул руку.

– Ты был на высоте, Йоран, – восхищенно произнес он. – Я следил за ходом поединка, и с самого начала понял, что у Волка нет ни малейшего шанса на победу!

– Был, если бы бандиты бросились на меня все сразу, – отвечая на рукопожатие, сказал я. – Твоя помощь оказалась очень своевременной, иначе наше «войско» вполне могло бы и дрогнуть.

– Будем считать, что обмен любезностями закончен, – усмехнулся Родерик. – Что будем делать с пленными?

– Это пусть люди решают. Будь я капитаном, сдал бы их властям.

В это время за моей спиной раздался топот ног. Я обернулся на шум и увидел Черного Волка, стрелой летящего на меня с мечом в руке. Как он успел очухаться после сильного удара по голове не понятно. Возможно, волчья шкура смягчила его. И вот теперь, вероятно, он решил напоследок свести со мной счеты. Отразить его атаку я уже не успевал, но Родерик пришел мне на помощь. Его меч молнией сверкнул в воздухе и вошел в грудь бандита почти по самую рукоять. Волк замер, его лицо исказила гримаса боли, после чего он опустился на колени, а затем рухнул на пол. Его тело еще несколько раз дернулось в конвульсиях, но вскоре замерло. Глаза бандита остекленели и безжизненно уставились в одну точку.

– Не Волк ты, а шакал, – вынув меч из тела мертвеца, мрачно усмехнулся рыцарь. – Нападать сзади после того, как проиграл схватку лицом к лицу?!

Он брезгливо вытер клинок о волчью шкуру, после чего вложил его в ножны.

– Что же, теперь я в неоплатном долгу перед тобой, – с чувством пожимая руку Родерику, сказал я. – Ты спас мне жизнь! Честно говоря, умирать сейчас мне совсем не хотелось.

– Брось, Йоран, – отмахнулся рыцарь. – На моем месте ты поступил бы так же. Мы вместе сделали одно хорошее дело, и, надеюсь, на какое-то время в этой деревне наступит мир и покой. Давай лучше выпьем.

– Сегодня вся выпивка за мой счет! – громогласно объявил старина Джек, и его слова были встречены гулом одобрения.

На следующее утро, а вернее сказать ближе к полудню, я проснулся с больной головой. Накануне, после того, как пленных бандитов заперли в погребе, началось бурное празднование нашей победы. Каждый из участников этих событий считал своим долгом выпить со мной и Родериком, так что, в конце концов, мы оба изрядно нагрузились. А если говорить

до конца честно, то я уже и не помнил, каким образом оказался в своей комнате. Под влиянием хмельных напитков мы с рыцарем много чего порассказали друг другу, но и суть этой беседы тоже слабо отложилась в моей памяти. В голове, словно пузыри на болоте, всплывали какие-то отдельные фразы и слова, но сложить их в целостную картину разговора я был уже не в состоянии.

Думаю, что почтенный сэра Родерик Эмерли чувствовал себя ничуть не лучше, чем я, потому как в зале его не оказалось. Там вообще никого не было, кроме хозяина харчевни. Здесь собирались по вечерам, а сейчас те, кто был в состоянии, уже работали. Я поинтересовался о своем товарище у старины Джека и тот ответил, что господин рыцарь еще не спустился.

– Да и не мудрено, – продолжил он. – Вы ведь только под утро угомонились. Здоровье поправить не желаешь?

– Не откажусь, – вздохнув, ответил я.

Старина Джек налил мне кружку темного эля и, лукаво улынувшись, сказал:

– Хороши же вы вчера были оба! Но настоящих воинов сразу видно! И дело свое знают, и погулять не прочь! Спасибо тебе, капитан. Вся наша деревня так благодарна вам!

– Что с бандитами-то делать собираетесь? – с наслаждением сделав несколько глотков, спросил я.

– Как ты и советовал, сдадим властям, – ответил дядюшка Джекоб. – Я уже послал человека с письмом в ближайший гарнизон.

При упоминании о письме я вдруг вспомнил о просьбе принца Эмильена. Пошарив за пазухой, я обнаружил, что пакет все еще на месте и задумался. Что мне с ним делать? Ответить канцлеру Микато, как настаивал Эмильен, или для начала поговорить с Родериком? Принц, правда, настоятельно просил сохранить тайну, но он же, в сущности, еще ребенок. Я не знал что именно написано в этом письме. Вполне возможно, что там действительно содержались какие-то очень важные сведения, но нельзя исключить и того, что обыкновенные детские глупости, не стоящие никакого внимания.

С другой стороны, с Родериком у нас сложились доверительные отношения, скрепленные совместными действиями против бандитов. Да и мою жизнь, что ни говори, он все же спас. В общем, выбор у меня был не простой – между верностью присяге и вновь завязавшейся дружбой.

– Куда путь держишь? – прервал мои размышления Старый Джекоб. – А то я подумал, может быть, ты останешься у нас на недельку-другую? Все будут только рады!

– Спасибо за приглашение, но мне надо двигаться дальше, – поблагодарил его я. – Хотел вот только с Родериком попрощаться.

– Жаль, – искренне огорчился Гарвидж. – Мы тут с ребятами поговорили и решили, что созданный вами отряд самообороны надо будет сохранить. Банды Черного Волка больше нет, но, как говорится, свято место пусто не бывает. Обязательно появится кто-то, кому лишняя пригоршня монет в чужом кармане не дает покоя. Хотели вот тебя попросить подучить нас немного...

– Я бы с радостью помог вам, но есть тут одно важное дело, которое я должен непременно завершить. Может быть, чуть позже я обдумаю ваше предложение.

– Как скажешь, – вздохнул дядюшка Джекоб. – Что бы ты там ни решил, помни – мы всегда будем рады твоему появлению в Хагантане.

В это время с лестницы спустился Родерик Эмерли. Он был один, без принца Эмильена, и выглядел таким же помятым, как должно быть и я сам.

– Привет, Родерик! – помахал ему рукой я. – Как самочувствие? Поправиться не желаешь?

Рыцарь молча пожал мне руку, присел рядом со мной за стойку и жадно отпил из поданной ему стариной Джеком кружки. Он был каким-то задумчивым и неразговорчивым, но я списал его необщительность на похмельное состояние. Покончив с элем, Родерик слегка ожил и тут же попросил хозяина отнести завтрак мальчику в комнату.

– Он слегка приболел, так что пусть позавтракает там, – пояснил Эмерли.

– Конечно, конечно! – тут же согласился Старый Джекоб и начал собирать поднос с едой.

– Не стоило мне вчера так напиваться, – вздохнув, сказал мне Родерик. – Наш орден не поощряет пьянства.

– А разве у нас был другой выход? – резонно возразил я. – Люди из Хагантаны не поняли бы нас, откажись мы разделить с ними общую радость победы.

– И то верно, – согласился он. – Я, должно быть, на пьяную голову наговорил вчера кучу глупостей?

Судя по настороженности тона, этот вопрос сильно беспокоил рыцаря. По большому счету я сам толком ничего не помнил, но и у меня было какое-то тревожное ощущение, что в этом пьяном разговоре проскользнули какие-то темы, показавшиеся мне по меньшей мере странными. Но вот только что именно? Нет, освежить отказавшую память было выше моих сил.

– Может и так, – по возможности безразличным тоном ответил я. – А кто в таком состоянии говорит умные вещи? Честно говоря, я почти не помню, о чем мы вели беседу, но уверен, что и сам не слишком-то блистал мудрыми изречениями.

Родерик с облегчением улыбнулся.

– Может, выйдем на улицу? – немного помолчав, предложил он. – Здесь такая духота!

– С удовольствием, – согласился я.

Мы вышли на крыльцо и, облокотившись на перила, с удовольствием дышали полной грудью.

– Вот что, Йоран, – неожиданно произнес Эмерли. – Я очень уважаю тебя, а потому не буду ходить вокруг да около. Отдай мне то письмо, которое вручил тебе мальчик.

– Какое письмо? – изображая полное недоумение, переспросил я.

– Не надо притворяться, капитан, – усмехнулся рыцарь. – Ты же сам вчера сказал, что принц Эмильен передал тебе письмо. Я прошу, чтобы ты отдал его мне.

«Вот тебе и раз! – промелькнуло в моей голове. – Да ты трепло, Йоран! Так подвести того, кто доверился твоей честности!».

– Назови мне хотя бы одну причину, по которой я должен это сделать? – с некоторой долей вызова спросил я.

– Их несколько, – ответил Эмерли. – Во-первых – потому что так будет лучше для всех: и для меня, и для тебя, и, в конечном счете, для самого принца тоже. Во-вторых – я не хочу, чтобы это письмо попало в чужие руки. Вполне возможно, что там нет ничего серьезного, тогда я сам со спокойной совестью отправлю его по назначению. Но может случиться и другой вариант. Эмильен еще слишком молод, он не в состоянии трезво анализировать происходящие события. По неведению он может причинить вред людям, которых я уважаю и которым безмерно доверяю. Если же у тебя есть сомнения в том, что его жизнь или свобода находятся в безопасности, могу заверить, что это совсем не так. Принц путешествует со мной по собственной воле и, что особо важно, с согласия императора Августина. Ну и в-третьих – я просто прошу тебя об этой услуге.

– Из всех доводов я принял бы во внимание только последний, – сказал я. – Но извини, Родерик, я не могу нарушить данное слово.

– Насколько я понимаю, ты его уже нарушил, – усмехнулся Эмерли. – Принц же просил тебя никому не говорить о письме? Брось, Йоран! Ты все время забываешь, что уже

не состоишь на службе. Тебе нужно устраивать свое будущее, а из сотрудничества с орденом ты сможешь извлечь весьма существенную выгоду.

– Предлагаешь мне разменять честь на презренный металл? – насмешливо спросил я.

– Зачем же так? Деньги конечно важны, но не они одни определяют твоё положение в обществе. Видишь вот этот знак?

Он протянул мне руку, на безымянном пальце которой красовался массивный золотой перстень, украшенный восьмиконечной рубиновой звездой. Точно такая же была и на его плаще.

– Этот перстень говорит о том, что я занимаю достаточно высокое положение в ордене, – пояснил Родерик. – Моя рекомендация практически гарантирует, что тебя примут в его ряды, а это не только обеспеченное будущее, но и почет, знания, возможность прикоснуться ко многим тайнам нашего мира. Я вовсе не шучу. Нам всегда были нужны сильные воины, к тому же способные на поступок, а ты как раз один из таких.

Эмерли искушал меня, и я отлично понимал это. Да, мне необходимо было определиться со своим будущим. Да, я остался практически ни с чем, и мне было нужно прибываться хоть к какому-то берегу. И, наконец, это была отличная возможность продолжить воинскую карьеру, пусть не в императорской гвардии, так в рыцарском ордене, что выглядело ничуть не хуже. Предложение Родерика казалось просто идеальным во всех отношениях, но что-то внутри меня активно противилось тому, чтобы принять его.

Виной этому был, должно быть, наш ночной пьяный разговор, детали которого я так постыдно забыл. Что-то в словах рыцаря насторожило, а может даже и напугало меня. Вот только что? Почему Эмерли был так напряжен до тех пор, пока не выяснил, что память полностью подвела меня? Какую тайну, а может и не одну, он ненароком выболтал этой ночью? Вот ведь незадача какая! Ничего не помню!

– Я благодарен тебе, Родерик, за заботу о моем будущем, но это не мой путь, – старательно подбирая слова, ответил я. – Давай лучше оставим все, как есть, и не будем усугублять наши разногласия из-за каких-то пустяков.

– Это не пустяки, Йоран, – настойчиво продолжил рыцарь. – Я уже говорил тебе насколько это серьезно для меня и для ордена. Если ты не прислушаешься к моим словам, то окажешься на очень опасном пути! Мы не допустим, чтобы это письмо оказалось в руках канцлера Микато!

– Родерик, это уже смахивает на угрозу, – с упором на последнее слово ответил я. – Мне не нравится такой тон!

Честно говоря, его настойчивость разозлила меня. Если еще полчаса назад я вполне мог добровольно отдать Эмерли письмо принца, то теперь понял, что не сделаю этого ни за что.

– Ты совершаешь страшную ошибку, – ледяным голосом произнес Родерик.

– Пусть это и ошибка, но я поступаю так, как велит мне совесть!

Я повернулся и собирался уйти, но что-то заставило меня обернуться. Должно быть, божественное провидение вмешалось в мою судьбу. В руке Эмерли был кинжал, и рука эта была занесена надо мной. Буквально за долю секунды до смертельного удара я все же успел перехватить ее и отвести в сторону. Завязалась борьба. Родерик был силен, но мои навыки в рукопашной схватке оказались выше. Вывернув кисть руки своего противника, я заставил его разжать пальцы и выронить кинжал, после чего повалил на деревянный настил крыльца и прижал к полу. Какое-то время он еще пытался вырваться, но моя хватка оказалась крепкой.

– Будь ты проклят! – прохрипел Эмерли. – Кто тебя подослал?! Канцлер Микато?! Ты ведь не случайно появился здесь?! Так?!

– Дурак ты, Родерик, – в сердцах сплюнул я. – Как есть дурак! А мне-то казалось, что я встретил настоящего друга!

– Можешь убить меня, но твоя партия все равно проиграна! – продолжал хорохориться рыцарь. – Я не могу одолеть тебя сейчас, но придут другие и сделают это за меня. Ты уже подписал себе смертный приговор, капитан! Верховный Стратег никогда не щадит тех, кто становится на его пути!

– Брось, Родерик, – с усмешкой ответил я. – Неужели ты не понимаешь, что находишься не в том положении, чтобы угрожать. Ты сейчас просто смешон!

– Зато тебе будет не до смеха, когда орден обрушит на тебя всю свою мощь! – огрызнулся он.

– Да ну?! – рассмеялся я. – Целый орден на одного отставного солдата?! Высокие же нравы царят у вас там! Прямо как у Черного Волка и его банды!

Эмерли только скрипнул зубами на мое замечание и отвернулся в сторону.

– Похоже, ты боишься своего Верховного Стратега гораздо больше, чем я. У тебя будут неприятности?

– Тебя это не касается! – огрызнулся он.

– Допустим. Но меня касается будущее принца Эмильена. Не могу же я бросить его на произвол судьбы с таким неуравновешенным спутником, как ты. Что вы собираетесь сделать с ним?

– Я не буду отвечать на этот вопрос. Могу лишь сказать, что в отличие от тебя, принцу уготовано блестящее будущее.

– Родерик, давай прекратим эти бесполезные угрозы и попробуем побеседовать по существу. Если ты пообещаешь не кидаться на меня с кинжалом, или каким-то другим способом уничтожить меня на месте, то я отпущу тебя, и мы сможем обсудить все спорные моменты в более удобной позе. Пока нашу размолвку еще никто не заметил, но ты, наверное, не хочешь, чтобы о ней трезвонили по всей деревне?

– Хорошо, – нехотя согласился Эмерли. – Обещаю, что не буду стараться убить тебя.

– Вот и славно, – с облегчением произнес я. – Вставай, и поговорим как мужчина с женщиной.

– Что ты хочешь сказать мне? – растирая кисть руки, угрюмо спросил Родерик. – Ты передумал?

– Нет, но у меня есть для тебя заманчивое предложение. Мы вполне можем разойтись миром. Ты ведь узнал о письме принца совершенно случайно?

Родерик кивнул.

– Ты, как и я, был сильно пьян и вполне мог не помнить этого разговора? – продолжил я.

– Но я же помню, – упрямо возразил рыцарь.

– Значит, забудешь! – отрезал я. – Иного выхода у нас просто нет. Ты не можешь переступить клятву, данную этому твоему Стратегу, а я не могу предать Эмильена. Кстати, что для тебя важнее – завладеть письмом или доставить принца к месту назначения в целостности и сохранности? Если мы начнем выяснять отношения при помощи оружия, то далеко не факт, что удача будет на твоей стороне. И что тогда? Ты оставишь мальчика на мое попечение? Но пойми меня правильно, я вовсе не собираюсь лезть в вашу политику! Я предлагал Эмильену доставить его в Лабрассу еще вчера, но он отклонил мое предложение. Следовательно, это не входило в его планы, и я выполню только то, о чем он меня просил. Ну а ты продолжи свой путь туда, куда до нашей встречи и намечал. Скажи, на твой взгляд, в моих словах присутствует здравый смысл?

– В целом – да, но я не смогу утаить от Верховного Стратега наличие этого письма. Если ты не отдашь его мне сейчас, то за ним в любом случае придут другие. Я же говорил, что он не упускает мелочей и все дела доводит до конца. Твое поражение в этой игре неизбежно.

– А вот на это мы еще посмотрим, – усмехнулся я.

– Дай мне его прочитать, и если в нем нет ничего, порочащего ордена, я с легким сердцем отпущу тебя.

– Письмо запечатано, и таким же оно будет доставлено канцлеру. И потом, ты, кажется, уже забыл, что это я отпускаю тебя, а не ты меня.

– И что я скажу Верховному Стратегу? – угрюмо спросил рыцарь.

– Правду, – ответил я. – Ты скажешь, что оказался перед сложным выбором, и из двух зол предпочел меньшее. Ты ведь пытался завладеть письмом, но у тебя ничего из этого не вышло. Не понимаю, какие еще угрызения совести могут тебя мучить? Ты проиграл, и надо честно признать свое поражение.

– Я проиграл еще вчера, когда позволил втянуть себя в эту дурацкую авантюру с Черным Волком, – вздохнул Родерик. – Останься я в стороне, не было бы ни письма, ни всех прочих проблем, связанных с ним. Это действительно моя ошибка, и ее нужно признать.

– Странные вы люди, – насмешливо произнес я. – Поступок, которым можно гордиться, ты называешь ошибкой, а попытку подло убить товарища по оружию, стало быть, нет?

– Это рассуждения человека, не обладающего целостностью мировоззрения, – напыщенно произнес Родерик. – Нельзя судить о величии всего здания по одному его фрагменту. Только сложив их все вместе можно насладиться красотой замысла зодчего. Что же касается «подлости», то иногда малые жертвы позволяют предотвратить большие беды. Ты отказался от уникальной возможности познания истины, и теперь твой удел блуждать в темноте, не понимая смысла происходящих вокруг тебя событий.

– Не знаю как там считается в вашем ордена, а на мой взгляд, из множества маленьких подлостей можно сложить только одну большую, – с сарказмом ответил я. – Ну так как же, Родерик? Ты принимаешь мои условия?

– Других вариантов ты мне просто не оставил, – без особого энтузиазма ответил Эмерли.

– Тогда прощай! И постарайся понять, что ни одна хорошая идея не может взрасти на человеческой крови. Подлость всегда останется подлостью и отравит все ее здоровые корни.

Я поднял все еще лежавший на полу кинжал, на удивление точно забросил его в колодец и вернулся в харчевню.

2. Молчаливые братья

Я вернулся в свою комнату, быстро собрал пожитки и спустился вниз. Родерика Эмерли там уже не было, а за стойкой одиноко скучал старина Джек.

– Не подскажешь, – спросил я у него, – в вашей деревне можно у кого-нибудь купить хорошего коня?

– Зайди к кузнецу Биллу. У него есть неплохой трехлетка, и вроде как он не прочь был продать его. Не бог весть что, но достаточно резвый конь. И выносливый.

– Спасибо за совет. Ну, будь здоров, Джекоб! Надеюсь, еще свидимся.

Я не придавал особого значения угрозам Эмерли, но все же решил, что путешествовать верхом мне будет сподручнее. Да и затягивать с доставкой письма тоже не стоило. Хотя меня одолевали сомнения в том, что юный принц мог написать канцлеру что-то действительно важное, реакция Родерика на это послание доказывала как раз обратное. Хотя, как мне показалось, он и сам в большей степени перестраховывался, чем верил в важность содержащихся в нем сведений. Но, как ни крути, а намерение убить меня у рыцаря все же было неподдельным.

Мы тепло попрощались со стариной Джеком, и я направился в кузницу. Билл был одним из самых активных участников вчерашних событий, да и последовавшей за ней попойки тоже, но уже очухался и всю орудовал молотом. Мужик он был крепкий, такого хмелем не проймешь.

Встретил меня Билл радушно и, узнав о цели моего визита, с радостью согласился уступить мне коня. Каштан, как звали жеребца, не казался таким уж писанным красавцем, но у него были очень умные глаза, что всегда нравилось мне в лошадях. Вместе с ним кузнец предложил еще подержанное седло и узду, что тоже оказалось кстати. Совершив эти покупки, я тут же покинул Хагантану.

Сторож, как оказалось, за прошедший день существенно изменил свое мнение о моей персоне. Ворота он распахнул, едва только заметил мое приближение, и даже поклонился мне в пояс. Я кивнул ему в ответ и выехал на дорогу. Каштан, застоявшийся в конюшне, радостно взял галоп, но мне сейчас по душе была более спокойная рысь, а потому пришлось слегка осадить его. У меня впервые за прошедший насыщенный день появилась возможность спокойно обдумать все происшедшее со мной в деревне, и я погрузился в размышления.

И так, что я имел? Вполне естественно, что мой путь теперь лежал в Лабрассу. У меня было письмо принца Эмильена, которое я пообещал доставить канцлеру Микато, а свои обещания я привык исполнять. Как выяснилось, поручение это оказалось далеко не таким безобидным, как думалось вначале, и Родерик Эмерли уже пытался убить меня, чтобы завладеть содержащимися в нем сведениями. Что мне было известно? Про самого принца я мало чего знал, но вот адресат был мне хорошо знаком. Более того, Наварус Микато в свое время сыграл определяющую роль в моей судьбе, да и в рядах императорской гвардии я оказался тоже с его легкой руки.

Наше знакомство с канцлером состоялось около семи лет тому назад. В то время я был юным авантюристом, в поисках удачи покинувшим отчий дом. Романтика приключений манила меня, а Лабрассу я считал лучшим городом в мире. Оправдались ли мои ожидания? В чем-то да, а что-то так и осталось для меня несбыточной мечтой. Приключений на мою долю и в самом деле выпало с избытком, и далеко не все они заканчивались триумфом. Я был наивен, доверчив, меня легко можно было втянуть в какую-нибудь безнадежную авантюру, чем бессовестно пользовались некоторые из собратьев по избранному пути. Именно одна из таких авантур и свела меня с канцлером.

Началась вся эта история в известном на всю Лабрассу трактире «Роза Ветров». Это место было знаменито тем, что там собирались искатели приключений со всех концов империи, и я, конечно же, в ту пору являлся его завсегдатаем. Мой старый знакомый, орк по имени Бургул гра Гул, предложил мне дело, за которым, по его словам, стоял старый канцлер. Честно говоря, связываться с Бургулом мне совсем не хотелось, поскольку все, что он предлагал мне прежде, как правило, заканчивалось позорным провалом. Я решительно отказался от участия в его очередной аванюре, и на этом, наверное, можно было бы поставить точку, не появившись в тот момент в «Розе Ветров» Эрлана.

Об этой женщине я всегда говорю только в восторженных тонах. Эрлана была эльфийкой, и как все представительницы этого народа отличалась удивительной красотой. Но не только эффектная внешность навсегда покорила мое сердце. Ее живой ум хранил в своих закромах такое колоссальное количество знаний, что не удивляться этому было просто невозможно. Кроме того, Эрлана обладала несомненной мудростью и даром предвидения, которым боги частенько награждают эльфов, а также имела серьезные навыки в области магии.

О ее возрасте я судить не могу – для вечно юного народа он имеет гораздо меньшее значение, чем для нас с вами, но по некоторым воспоминаниям, которыми она иногда делилась со мной, за несколько сот лет можно было вполне поручиться. В Эрлану я был влюблен, хотя и без всякой надежды на взаимность, и именно ее вмешательство в корне изменило мои планы, да и всю последующую жизнь тоже.

Я знал, что Эрлана знакома с Бургулом, но почему-то всегда считал, что знакомство это носит поверхностный характер. Они были слишком разными для того, чтобы иметь тесные дружеские отношения. Орки народ приземленный, а эльфы всегда были склонны к духовному, возвышенному образу жизни. Но, как ни странно, Эрлана очень заинтересовалась предложенным делом и даже согласилась сама принять в нем деятельное участие. Последний факт стал для меня определяющим, а потому мы с Бургулом ударили по рукам.

Не стану рассказывать обо всех тонкостях данного нам канцлером задания. К этому повествованию оно не имеет никакого отношения, да и клятва, которую я принес Наварусу Микато, сдерживает меня от того, чтобы распространяться на данную тему. Скажу лишь, что дело оказалось весьма сложным и опасным, и потребовало от нас предельной самоотдачи и концентрации, но мы все-таки с честью завершили его. Мне же удалось особо отличиться в ходе его выполнения, и канцлер, помимо существенной денежной награды, предложил мне чин лейтенанта императорской гвардии. В ту пору слава даккерейцев достигла своего пика, и я попросился именно в этот полк. Так началась моя новая жизнь. Из бесшабашного авантюриста я превратился в настоящего воина, и сейчас ничуть не жалею об этом.

Сегодня, спустя столько лет, я с легкой иронией вспоминаю свои юношеские годы. От того романтического и немного наивного паренька, каким я был в те времена, почти ничего не осталось. Военная служба затянула меня полностью, закалила, опасностей и приключений на ней оказалось ничуть не меньше, чем в прошлой жизни, а вот друзей, на которых можно полностью положиться, даже больше. С Наварусом Микато судьба меня больше не сводила, да он должно быть уже и забыл о моем существовании.

И вот теперь мне предстояло вновь встретиться с этим могущественным человеком. Пока не совсем было ясно, каким образом я, не имея никакого официального статуса, смогу добиться аудиенции у столь высокопоставленной особы, но это уже мелочи. На месте что-нибудь обязательно придумаю. В конце концов, у меня же все-таки остались друзья в Лабрассе, и они обязательно помогут мне в этом деле.

На восьмой день пути в столицу заночевать мне пришлось в лесу. Я двигался в южном направлении, и здесь наступление поздней осени ощущалось не так явственно, как на севере.

Ночных заморозков еще не было, да и листва на деревьях хоть и заметно пожелтела, но еще не опала полностью. Зимы здесь обычно бывают короткими, а снег и вовсе выпадает лишь изредка. Что же касается Лабрассы, то там круглый год царило лето. Меня, коренного северянина, раньше это очень удивляло, но со временем я привык к тому, что в столице жители обходятся без зимней одежды, а меха если и используются ими, то не для утепления, а только в качестве экстравагантной отделки дамского платья.

Расположившись на опушке леса недалеко от дороги, я разжег костер и занялся приготовлением ужина. Никаких кулинарных изысков в нем, конечно же, не было – обычная похлебка, все достоинства которой заключались лишь в том, что она утоляла голод. В походе я привык довольствоваться малым. Большой запас продуктов не должен обременять тебя в пути, а потому проще всего за его основу взять крупы. Дополнить рацион можно мясом, подстрелив что-то из дичи, похлебку иногда неплохо заправить грибами, а вкусный и полезный чай отлично заваривается из некоторых целебных трав.

Мой ужин был уже почти готов, когда Каштан неожиданно издал короткое ржание. За эти дни я уже успел хорошо изучить повадки моего коня. Обычно он был молчалив, а голос подавал только в тех случаях, когда чуял какую-то опасность. Возможно, Каштан почувствовал некое бродящее поблизости хищника, но не исключено, что и людей, или даже троллей. Так уже случалось прежде, и я с пониманием воспринял этот сигнал тревоги.

Сняв котелок с огня, я поставил его на землю и огляделся по сторонам, стараясь сделать это так, чтобы мои движения не выдавали возникшей внутри настороженности. Вроде бы ничего подозрительного заметить не удалось, но возникшее чувство тревоги все равно не покидало меня. Я почти физически ощущал на себе чей-то недобрый взгляд, и это заставило меня прибегнуть к магии.

Вообще-то я никогда не считал, что в достаточной мере владею этим искусством, хотя Эрлана постоянно убеждала меня в обратном, и даже показала несколько практических приемов, которые со свойственной ей настойчивостью заставила освоить. Они показались мне не очень сложными и по этой причине в разряд высокой магии зачислены не были, но иногда эти необычные навыки действительно серьезно помогали в сложных ситуациях.

Суть примененного мной магического приема заключалась в том, чтобы расширить свое сознание и охватить мысленным взглядом ближайшие окрестности. К его бесспорным преимуществам можно было отнести то, что он, во-первых, позволял увидеть не только те предметы и людей, что находилось прямо перед тобой, но и всю окружающую картину. И, что особенно важно, магия позволяла разглядеть объект сквозь преграду, особенно если ты знаешь, что именно ищешь. Как и все, что было связано с эльфами, эта магия имела напыщенное название – «Всевидающее Око».

Раньше я частенько подтрунивал над Эрланой, говорил, что ее народ вокруг любой ерунды способен нагнать такого мистического тумана, словно она является основой всех основ, но эльфийка явно не разделяла моей примитивной точки зрения. По мнению Эрланы, в магии не бывает мелочей, а все ее элементы имеют свой, вполне определенный смысл. И название вовсе не такая уж мелочь, как мне кажется, а одна из основных ее составляющих. Наверное, в словах Эрланы был какой-то смысл, ведь эльфы всегда лучше людей разбирались в магии, но определенная доля самолюбования и эстетства в этом тоже присутствовала.

Как бы то ни было, но «Всевидающее Око» неплохо работало, и вскоре я обнаружил то, что искал. Это люди. Их, насколько я смог разобрать, было трое. Они притаились на окраине опушки и, судя по всему, выжидали того момента, когда я лягу спать. Нападать на спящего – чисто разбойничья повадка, а потому я без сомнений зачислил всю троицу в категорию ночных грабителей.

Теперь, когда я знал своего врага, необходимо было продумать тактику борьбы с ним. Ясно, что прямо сейчас они нападать на меня не собирались, а предпочитали дожидаться

того момента, когда я усну. Что же, если имея трехкратное превосходство в численности, разбойники все равно трусили вступить в открытый бой, значит, не слишком-то были уверены в своих силах, и справиться с ними будет не так уж и сложно. Нельзя только давать им повода усомниться в том, что их присутствие осталось незамеченным, а потому я достал ложку и приступил к ужину. Время от времени я на всякий случай пользовался «Всевидающим Оком», но никаких изменений в позиции разбойников не происходило. Стоит ли говорить о том, что никакого удовольствия от еды под пристальными взглядами тех, кто готов был в любой момент перерезать мне горло, я не получил.

Отставив котелок в сторону, я потянулся и сделал вид, что укладываюсь спать. Уже почти стемнело, и это пришлось как нельзя кстати. Если разбойники что-то и видели, то разглядеть деталей они уже не могли. Я сложил одеяло так, чтобы оно имитировало человеческую фигуру, лег с ним рядом, а затем незаметно отполз в сторону. Место для наблюдения за происходящим было выбрано мною за деревом в нескольких шагах от созданного муляжа. В тусклом мерцании затухающих огоньков костра он почти не отличался от настоящего человека, разве что только не шевелился.

Разбойники не торопились покончить со мной сразу, давая возможность уснуть крепче, и я отдал должное их выдержке. Суетливость и желание как можно быстрее достичь поставленной цели чаще всего приводит к провалу, но мои противники действовали на удивление расчетливо. Прошло минут двадцать, прежде чем я не то чтобы услышал, а скорее интуитивно почувствовал приближение врагов. Передвигались разбойники настолько бесшумно, что у меня невольно возникла мысль о своей недооценке противника. В их действиях чувствовался скорее профессионализм наемных убийц, чем робкая осторожность грабителей-дилетантов.

«Неужели мой приятель Эмерли успел-таки так быстро организовать погоню? – промелькнула в моей голове мысль. – Что же, тогда он времени зря не терял!».

Теперь убежище за деревом не казалось мне таким уж надежным. Если это и в самом деле наемники, то моя хитрость с муляжом надолго их не задержит. Я еще раз использовал «Всевидающее Око». Убийцы заходили с трех сторон, стараясь отрезать мне любые пути к отступлению. На них были облегающие костюмы, не имеющие складок, а потому не издающие ни малейшего шороха при ходьбе, а также мягкие мокасины, приглушающие звук шагов. У каждого в руке был кинжал.

«А что, если убийцы тоже знакомы с магией?! – возникла у меня паническая догадка. – Тогда я сейчас перед ними, как на ладони!».

Стараясь не шуметь и даже не дышать, я осторожно поднялся на ноги и извлек Стрекозу из ножен.

Магией убийцы может и не пользовались, но вот слухом обладали просто феноменальным. Даже самое легкое мое движение тут же заставило их насторожиться и замереть. Тишина теперь стояла полная, и единственное, что ее нарушало, так это стук моего сердца. Обменявшись какими-то знаками, темные фигуры продолжили свое движение. Нужно было на что-то решаться: или продолжать прятаться, или первому нанести удар. Я решил, что второе в данный момент предпочтительнее. Пока убийцы не узнали, что под одеялом никого нет, в этом мог быть некий момент неожиданности. Едва они приблизились к муляжу и склонились над ним, я выскочил из своего укрытия, в несколько прыжков преодолел разделявшее нас расстояние и нанес удар ближайшему ко мне противнику.

К сожалению, мои действия не оказались столь же скрытными, как их собственные. Шум привлек внимание всех троих, они повернули головы в мою сторону и тот, кого я избрал своей первой жертвой, успел уклониться от удара. Клинок Стрекозы лишь скользнул по правому плечу убийцы, оставив глубокую, но вовсе не смертельную рану. Меня удивило, что

он даже не вскрикнул от боли, а молча перехватил кинжал в левую руку и тут же бросился на меня.

Не спорю, его яростная самоотверженность выглядела со стороны очень эффектно, но была не совсем продуманным шагом. Я уже успел вернуть свой меч в боевое положение, и убийца сам с размаху напоролся на его острие. Он умер сразу, так и не издав ни единого звука, но двое других с выгодой для себя воспользовались его смертью и яростно атаковали меня. Мой меч застрял в теле мертвеца, и у меня под натиском атакующих бандитов никак не получалось вытащить его. Какое-то время мне удавалось прикрываться убитым, как щитом, но такая тактика не могла срабатывать бесконечно. Рано или поздно бандиты достали бы меня своими кинжалами, тем более, что владели они своим оружием очень даже неплохо. Я оттолкнул обмякшее тело на одного из них и резко дернул Стрекозу на себя. Меч наконец-то освободился, но на это были потрачены драгоценные секунды, и второй бандит успел нанести удар. Как мог, я попытался уклониться от него, но клинок все равно задел бок, отозвавшись в теле резкой болью.

Мое положение становилось все серьезнее. Я был один против двоих, да к тому же раненый. В том, что эти парни не новички в своем деле уже сомневаться не приходилось. Мне необходимо было свести к минимуму их превосходство, что я и попытался сделать. Кинжал оружие ближнего боя и, чтобы использовать преимущества длины своего меча, я отпрыгнул на шаг назад. Стрекоза запорхала в воздухе, не давая моим противникам возможности приблизиться, но каждое новое движение давалось мне все с большим трудом. Рана, вероятно, оказалась достаточно глубокой и болью сковывала мою подвижность. Я понимал, что долго мне так не продержаться, а поэтому нужно было решать исход схватки прямо сейчас.

Что больше всего поражало меня в этих парнях, так это полное отсутствие каких бы то ни было эмоций. Они абсолютно безразлично восприняли смерть своего товарища, на их каменных лицах не дрогнул ни один мускул. И еще это чудовищное молчание. Обычно в пылу схватки бойцы подбадривают себя какими-то выкриками, оскорблениями противника, бранью. Эти же до сих пор так и не издали ни звука. От этой пугающей тишины становилось немного не по себе. Казалось, что ты сражаешься не с живыми людьми, а с бездушными механизмами или восставшими из могилы зомби.

Но, кем бы они там ни были, а мне необходимо было биться за свою жизнь, и спасение заключалось в атаке. Я собрал всю свою волю в кулак и, стараясь не обращать внимания на боль, бросился вперед. Это был коронный каскад приемов даккерейцев, отточенный мною за годы службы в полку до автоматизма, и для бандитов он стал неприятным сюрпризом.

У любого противника можно найти слабое место. Их слабость оказалась в излишней самоуверенности. Эта парочка решила, что я слабею и почти нахожусь в их руках, а для победы достаточно будет взять меня измором. Раненый человек быстро теряет силы, значит рано или поздно он допустит ошибку, не успеет отразить удар, а то и вовсе не устоит на ногах. Моя же контратака застала их врасплох, да и техника владения мечом у даккерейцев необычная, редко встречающаяся в других местах. Ударом с разворота я напрочь снес голову одному из бандитов, а затем на противоходе пронзил острием Стрекозы грудь второго. Тот замер, попытался сделать вдох, отчаянно схватился за лезвие моего меча в надежде вытащить его, а затем бессильно опустился на колени и упал на землю.

Все было кончено, и я, тяжело дыша, бессильно опустился на колени. От напряжения сердце бешено колотилось в груди, а боль в боку становилась просто нестерпимой. Немного переведя дух, я осторожно ощупал рану. Рубаха была насквозь мокрой от крови, и первым делом необходимо было остановить кровотечение. У меня для этих целей имелся отличный бальзам, рецепт которого когда-то дал мне Бургул гра Гул. Он всегда готов был помочь своему другу, особенно в тех случаях, когда это ему ничего не стоило. Не скажу, чтобы Бур-

гул был таким уж скрягой, но карьеру авантюриста он избрал исключительно ради того, чтобы зарабатывать себе на жизнь, и неуклонно следовал этому железному правилу, стараясь извлечь из любого дела максимальную выгоду для себя, иногда даже в ущерб компаньону.

Что же касается бальзама, то орки всегда славились своими воинами, а хороший воин это не только тот, кто лихо машет мечом или точно стреляет из лука, но и тот, кто в состоянии самостоятельно позаботиться о себе в случае ранения. В этом отношении они превзошли все другие народы, даже славящихся искусством врачевания эльфов. И хотя их настои, мази и прочие снадобья выглядели ужасно, были омерзительны на вкус и запах или жгучи, как раскаленные угли, но зато действовали всегда безотказно. Мои товарищи по даккерейскому полку на первых порах относились к орочьим снадобьям с подозрительной брезгливостью, и лишь опробовав на себе, окончательно уверовали в их эффективность.

Ни для кого не секрет, что орков не очень-то жалуют все прочие обитатели империи, а некоторые даже считают их кем-то вроде разумных зверей, но я не разделяю этих предрассудков. У меня было много знакомых среди представителей этого народа, а некоторых из них я с полным правом могу назвать своими друзьями. Они отважны в бою, никогда не бросят тебя в беде, и при всем этом обладают какой-то детской непосредственностью, столь не вяжущейся с их грозным видом.

Я подошел к своим вещам, порылся в заплечном мешке и извлек оттуда пару пузырьков, один с жидкостью, другой с мазью, а так же суровую нитку и железную иголку. Подбросив в угли костра сухих веток, я раздул огонь, чтобы действовать не вслепую, и, сняв рубаху, занялся своей раной. Сначала я обработал ее жидкостью, которая остановила кровь и заметно утихомирила боль, а после этого прокалил иголку на огне, вдел в нее нить и наложил несколько швов на порез. Потом я густо смазал рану пахучей черной мазью из второй склянки и перевязал ее полотняной тканью.

Теперь стоило осмотреть тела моих врагов. Не скрою, что эти парни заинтересовали меня, и я рассчитывал найти в вещах убийц хоть что-нибудь, проливающее свет на тайну их появления здесь. Сначала я подошел к тому, которого убил первым. Ничего интересного, кроме серебряного медальона, на его теле не оказалось, но и эта находка тоже давала пищу для размышления. Изображение на нем выглядело по меньшей мере странным – губы, сквозь которые прoderнут висячий замок. Точно такие же амулеты я обнаружил и на двух других телах. На обратной стороне медальонов была выгравирована загадочная надпись «Молчаливое Братство», которая сразу же оживила воспоминания о недавней стычке. Выходит, что так поразившее меня безмолвие было как-то связано с этими знаками? Безусловно, все трое принадлежали к какому-то сообществу. Возможно, что вступая в него, они давали обет молчания или что-то вроде того, но кто такие эти молчаливые братья? Представители какой-нибудь неизвестной мне гильдии наемных убийц? Вполне возможно. А орден зонитов, стало быть, заказал им мою голову?

Я более дотошно еще раз осмотрел тела всех троих и в одежде безголового обнаружил потайной карманчик, в котором нашел небольшой клочок бумаги. Он был исписан некими знаками, значения которых мне понять не удалось. Скорее всего, это был шифр, а сама бумага представляла собой нечто вроде контракта на убийство. Что же, Родерик Эмерли времени даром не терял! Честно говоря, не ожидал, что меня выследят так быстро! С другой стороны, он ведь и не скрывал того, что попытается другим способом получить это злосчастное письмо. Я сам проявил непопозволительную беспечность и чуть не заплатил за нее жизнью. Как они нашли меня? Думаю, особой сложности это не составляло. Дорога в Лабрассу в общем-то одна, а своего имени на остановках в лежащих на пути деревнях я не скрывал. Впредь придется быть осторожнее, если я все же хочу остаться в живых.

Что же такого мог написать этот мальчишка-принц, раз они так переполошились?! Меня так и подмывало вскрыть конверт и прочесть его содержимое, и только устаревшие понятия о чести не позволили мне этого сделать.

«Но ведь не пешком же эти молчаливые братья бежали за мной следом?! – подумал я. – Наверное, где-то рядом припрятаны их кони. Надо будет поискать их утром. А сейчас стоит оттащить тела подальше от стоянки. Я, конечно, человек не суеверный, но проводить ночь в компании мертвецов как-то не очень приятно!».

Взяв за руки одного из убийц, я оттащил его шагов на пятьдесят вглубь леса. Затем то же самое проделал со вторым. Когда дело дошло до безголового, на его пальце я обнаружил кольцо. Вернее сказать, это был перстень, почти такой же, как тот, который показывал мне Родерик Эмерли, только поскромнее, да и рубиновая звезда поменьше. Эта находка внесла серьезные изменения в ход моих рассуждений. Теперь получалось, что «Молчаливое Братство» вовсе не гильдия наемных убийц, нанятая орденом эонитов для сведения счетов со мной, а его составная часть!

И тут сразу же возникал вопрос. Зачем ордену, который вроде как ставит перед собой просветительские цели, иметь при себе такую жесткую карательную структуру? Ведь дураку понятно, что эта троица убийц вовсе не книжные черви, отправленные на выполнение не свойственного им задания, а настоящие профессионалы своего дела! Да и вся эта мишура с обетами молчания, тайнописью и прочими атрибутами секретности говорит за такую трактовку их деятельности. Нет, здесь явно что-то не чисто! Орден наверняка ведет какую-то грязную игру против Лоренваля, а принцу Эмильену что-то стало известно о ней!

Хотя, все это тоже из разряда домыслов. А варианты могут быть абсолютно любые. Например, что к ордену принадлежит только безголовый, который был внедрен в гильдию убийц с какой-то определенной целью. Единственное, что не подлежит сомнению – к нападению на меня эониты причастны несомненно, и их главной целью являлось письмо принца

Остаток ночи я не сомкнул глаз. Во-первых, у меня не было полной уверенности в том, что убийц только трое. Да, безголовый явно был среди них главным и имел какой-то ранг в ордене, о чем красноречиво говорил перстень со звездой, но ранг этот значительно ниже, чем у Родерика Эмерли. А если принять во внимание ту важность, которая придавалась эонитами письму Эмильена, они могли прислать надзирать за выполнением задания и более важную персону, которая ждет донесения от исполнителей. Возможно, я несколько переоценивал опасность, но события этой ночи показали, что это разумнее, чем недооценить ее.

Настроение у меня было скверное. Рана болела, а иногда меня начинало лихорадить. Конечно, неплохо бы немного отлежаться, но такой возможности мне не представлялось. Чем быстрее я доведу письмо до адресата, тем больше у меня шансов сохранить свою жизнь. Мне почему-то казалось, что когда оно попадет в руки канцлера, от меня, наконец, отстанут. Зачем им нужна смерть обыкновенного курьера? Только из соображений мести? Как-то слишком уж мелко! Хотя Родерик и угрожал мне ею со стороны этого таинственного Верховного Стратега, я все же думал, что угроза с его стороны была еще одним способом заставить меня отказаться от задуманного.

Едва рассвело, я прошелся по ближайшим к опушке окрестностям леса и вскоре нашел трех стреноженных коней. Хотя они и выглядели получше Каштана, я не стал менять его, поскольку успел привязаться к своему скакуну. Взял только одно седло, которое выглядело новее и удобнее проданного мне кузнецом, а самих коней распутал и отпустил на волю. Не оставлять же их связанными. Так они могли хоть позаботиться о себе и не стать легкой добычей хищников. Можно было, конечно, попытаться продать их, но времени на это у меня не было, да и лишний раз оставлять наводку для возможных преследователей тоже не стоило.

Распорядившись судьбой коней, я вернулся к тому месту, куда оттащил тела молчаливых братьев. В темноте вполне можно было упустить что-то важное, и я решил еще раз обыскать их. Двое из них, судя по смуглости кожи, оказались южанами, а вот безголовый, скорее всего, был выходцем с севера. Не найдя больше ничего интересного, я скинул тела в овраг и закидал их ветками. Все-таки хоть какое-то, но захоронение. Они, конечно, этого не стоили, но оставлять мертвые тела на всеобщее обозрение как-то уж совсем не по-людски.

Успокоив таким образом свою совесть, я стал собираться в дорогу. Путь мне предстоял не близкий, а о быстрой скачке на какое-то время приходилось забыть. Рану не стоило сильно тревожить, иначе процесс заживления мог затянуться, а мне очень не хотелось, чтобы она еще и загноилась.

С горем пополам я взгромоздился на Каштана, и тронул поводья. Конь, словно чувствуя, что его хозяин находится далеко не в лучшей форме, двинулся вперед неспешным шагом.

Наверное, теперь мне не стоило останавливаться на ночевку в поселках и городах, а если этого было не избежать, то надо хотя бы представляться вымышленным именем. Неплохо было бы также сменить дорогу. То, что мой путь будет длиннее, не так сильно меня волновало. Зато он станет безопаснее, а это в данной ситуации куда как важнее скорости. Еще неплохо подумать над тем, как изменить свою внешность. Даже если мне удастся благополучно добраться до Лабрассы, в столице меня в любом случае будут ждать. «Молчаливые братья» или кто-то другой, но они не успокоятся до тех пор, пока не завладеют письмом или оно не окажется у адресата.

«Где для моих врагов реальнее всего перехватить меня? – размышлял я. – Первое и наиболее вероятное место – у городских ворот. Их, правда сказать, несколько, но поставить возле каждого по наблюдателю для столь могущественной организации, как орден зонитов, не так уж и сложно. Значит нужно попытаться попасть в Лабрассу, минуя эти ворота. В огромном городе их шансы обнаружить меня уже заметно снижаются, и вторая точка, в которой я обязательно появлюсь – это дворец канцлера Микато. Там им придется действовать уже наверняка, иначе их задание окажется проваленным. Это наиболее опасное место, и свой визит туда надо продумать до мелочей. В Лабрассу можно попасть и морским путем, но порт, скорее всего, тоже окажется под наблюдением.

Вот если бы меня кто-то встретил, а лучше всего с повозкой, в которой можно было бы спрятаться среди вещей! Для этого нужно передать в город записку. Найти курьера за пару серебряных монет не так уж и сложно, но на кого в столице я могу полностью положиться? Из моих друзей даккерейцев если кто-то там и остался, то неизвестно где их сейчас искать. Еще есть Эрлана и Бургул. У каждого имеется свое жилище в Лабрассе, и я, приезжая в столицу, чаще всего останавливался у кого-нибудь из них. Но они никогда не были домоседами, и мой нарочный может просто не застать их на месте. Однако попытаться стоит. Оба моих друга бывалые авантюристы, они обязательно что-нибудь придумают».

Что же, хоть какой-то план у меня начал вырисовываться, и теперь главное без риска добраться до Лабрассы. Настроение у меня немного улучшилось, и я даже позволил Каштану перейти с шага на неторопливую рысь.

3. Бургул и Эрлана

Соблюдая предельную осторожность, до Лабрассы я добрался без особых приключений. Рана понемногу заживала, и я уже не раз мысленно поблагодарил Бургула за чудодейственное снадобье.

В паре миль от столицы я остановился у околицы небольшой деревушки. Мне на глаза попался мальчишка лет двенадцати, и я подозвал его. На вид он выглядел шустрым и смышленным, как раз то, что мне и было нужно.

– Хочешь заработать две серебряных монеты, – спросил я у него?

– А то нет! – живо откликнулся мальчик.

– Ты хорошо знаешь Лабрассу?

– А как же! – кивнул головой он. – Мы с матерью чуть ли не каждую неделю там бываем! Наша семья выращивает овощи, вот мы и продаем их на базаре.

– Мне необходимо передать два письма моим знакомым. Один живет на Оружейной улице, а вторая на Цветочной, возле императорского сада. Найдешь?

– Спрашиваешь! – усмехнулся мальчишка.

– Тогда запоминай. Первого зовут Бургул гра Гул. Он, как ты понял, орк. Его дом находится рядом с Гильдией Кузнецов. Вот этот пакет ты отдашь ему лично в руки. Если Бургула не окажется дома, загляни в «Розу Ветров». Это недалеко, на соседней улице, и он там часто бывает. А второе нужно передать эльфийке Эрлане. Она живет на углу Цветочной улицы и Триумфальной площади. Запомнил?

– Запомнил.

– Если ты не найдешь ни Бургула, ни Эрланы, письма принесешь мне назад, а если разыщешь их, дождись ответа. Вот тебе серебряная монета. Вторую получишь, когда вернешься. Письма не перепутай.

– Не перепутаю, – успокоил меня мальчик. – Не в первый раз выполняю такие поручения.

– Ну, тогда беги. Я буду ждать тебя здесь.

Мальчик развернулся, и вприпрыжку поскакал в сторону города. Теперь мне оставалось только надеяться, что он найдет хотя бы одного из адресатов. Чтобы скоротать время, я приготовил себе завтрак, перекусил, а затем прилег отдохнуть. Спать мне не хотелось, а вот полежать после дорожной тряски очень не помешало бы.

Вернулся мой посыльный часа через три. По гордому виду мальчика я сразу понял, что успех сопутствовал ему. Это радовало, так как запасного плана у меня пока не было.

– Ну, рассказывай, – попросил я.

– Вот! – протягивая пакет, ответил он. – Письмо от госпожи Эрланы! Я сначала зашел к ней, так как к орку было немного боязно. Эльфийка оказалась дома, и, прочитав вашу записку, тут же написала ответ. Потом она спросила, куда я теперь. Я ответил, что мне еще нужно зайти на улицу Оружейников. А она спрашивает, не к Бургулу ли гра Гулу? Да, к нему, говорю. Тогда госпожа Эрлана и говорит: «Вот что, чтобы не терять времени, беги к тому, кто тебя послал, а Бургула я найду сама».

– Она взяла письмо для него? – спросил я.

– Да. А что, его не нужно было отдавать?

– Нет, все хорошо. Вот тебе обещанная монета и еще одна за то, что принес хорошие известия.

– Госпожа Эрлана уже дала мне монетку, – честно признался мальчик.

– Тогда ты тем более заслужил ее. Честный гонец высоко ценится!

– Спасибо, – покраснев, поблагодарил он. – А откуда Вы знаете, что известия хорошие? Вы же еще не читали письмо.

– То, что госпожа Эрлана в городе, уже хорошая новость, – ответил я. – Ну, ступай! Спасибо тебе!

– Это Вам спасибо, щедрый господин! – рассмеялся мальчик. – За три часа я заработал сразу четыре серебряных монеты! Если еще чего понадобится, я всегда к Вашим услугам!

Он поклонился, отбежал шагов на десять, а затем обернулся, расплылся в широкой улыбке и прокричал:

– А она очень красивая! Желаю удачи!

Я погрозил ему пальцем, а затем распечатал письмо Эрланы и начал читать.

«Йоран, милый! – писала она. – Рада, что ты опять здесь! Насколько понимаю из твоей записки, у тебя возникли серьезные проблемы? Ну что ты за шалопай такой! На минуту оставить нельзя! Обязательно вляпаешься в какую-нибудь историю! Ладно, не сердись, я шучу. Конечно же, помогу тебе и на этот раз. Бургула найду сама. Знаю, что он тоже здесь, в городе. Вместе что-нибудь обязательно придумаем. Жди нас завтра с утра в Оленьей роще. Твоя добрая мамочка Эрлана».

«Эх, Йоран! – с грустью подумал я. – «Милый!» Такое обнадеживающее начало, и такой безрадостный конец – твоя «мамочка»!

И, мысленно обращаясь к уже убежавшему мальчишке, со вздохом добавил:

«Нет, паренек! Удача мне и на этот раз не светит! Спасибо, конечно, за добрые пожелания, но ничего у нас не выйдет!».

Через два часа после восхода солнца на дороге, которая была видна из Оленьей рощи как на ладони, показалась длинная телега. Даже издали в ней можно было различить могучую, но нескладную фигуру орка. В телеге что-то лежало, прикрытое большим куском мешковины. Эрланы рядом с Бургулом не было, но я и не ожидал, что они приедут сюда оба. В моем случае, чем меньше народу, тем больше шансов не попасться на глаза соглядатаям ордена. Да и представить себе красавицу-эльфийку в этой жалкой колымаге мне тоже было очень трудно.

Как только телега заползла в рощу, я вышел навстречу орку.

– Привет, Бургул! – помахал я ему рукой.

– Привет, Йоран! – ответил он и изобразил чудовищный оскал, служивший ему улыбкой. – Рад, что ты не забыл старого друга. А то покинул Лабрассу так внезапно, что даже не попрощался со мной.

– Я заходил к тебе, но ты был в отъезде.

– Да, знаю. Я нашел твою записку. Так что там у тебя случилось?

– Позже расскажу. Ты подумал над тем, как нам незаметно пробраться в столицу?

– Конечно! – с торжеством в голосе воскликнул Бургул. – Доставлю с максимальным комфортом, и ни одна ищейка тебя не найдет! Вот, смотри!

Он откинул мешковину в сторону, и я даже отшатнулся от неожиданности. На дне телеги лежал большой черный гроб, поблескивающий на солнце свежим лаком и медными, начищенными до блеска деталями.

– Я что, так плохо выгляжу? Думаешь, уже пора? – мрачно пошутил я.

– Нет, ты еще крепкий перец! – беззаботно рассмеялся Бургул. – Я просто подумал, что эта штукавина специально сделана для того, чтобы класть в нее тела, так что в смысле удобства все будет нормально. И потом, ни одна собака не захочет посмотреть, что же там находится внутри!

Конечно, с точки зрения логики орк был абсолютно прав, но меня охватывал суеверный ужас при одной только мысли о том, что придется лечь в этот злосчастный гроб.

– Не капризничай, Йоран, – заметив мои колебания, начал уговаривать меня Бургул. – Ты только посмотри, как там все по уму сделано!

Он щелкнул замками и откинул крышку в сторону.

– Глянь, внутри все обито настоящим атласом, а под ним для мягкости проложен конский волос! Я просверлил несколько дырок, так что ты там точно не задохнешься. Да и вообще вещь солидная, очень даже подходящая для такого заслуженного человека, как ты! Посмотри, какие элегантные ручки, какие чудные замочки! И дерево тоже не абы какое – настоящий дуб! С тебя, кстати, пять золотых монет. Сам понимаешь, вещь красивая, дорогая!

– Мог бы присмотреть гробик и подешевле, – отсчитывая деньги, уныло проворчал я. – К чему мне такая роскошь? Я же не вампир, жить в нем не собираюсь!

– Он крепкий, когда-нибудь да пригодится, – успокоил меня Бургул.

– Типун тебе на язык! – сплюнув через плечо три раза, вздохнул я. – Надеюсь, что не скоро. Ты что, предлагаешь мне таскать его за собой по всему Лоренвалю?

– Ах да, я же забыл, что ты еще не обзавелся жильем! – почесав в затылке, озадаченно пробормотал орк. – Ну, ничего! Можешь пока отправить его к родным. Или пусть у меня постоит, а купишь собственный домик – заберешь?

– Ты думаешь, когда говоришь?! – возмутился я. – Представь, каково будет моему отцу, когда ему привезут гроб?! Нет уж, держи его лучше у себя.

Вообще-то, зная Бургула, я не сердился на него. Он всегда был практичен, но имел необоримую слабость к красивым вещам. Тот же гроб был для него очередной игрушкой, и он искренне желал приятно удивить меня своим обдуманном выбором. Беда только в том, что у нас с ним разные восприятия этой вещи. Для орка гроб был всего лишь экзотической диковинкой, поскольку их народ по традиции хоронит своих покойников прямо в землю, вот он и выбрал самый красивый и дорогой.

– Может, ляжешь, опробуешь? – робко предложил мне Бургул.

Я не хотел расстраивать его еще больше. На самом деле орк действительно придумал лучший способ незаметно провезти меня в Лабрассу, поэтому я взобрался на телегу, преодолевая отвращение, лег в гроб и, скрестив на груди руки, с усмешкой спросил:

– Ну, как я выгляжу?

– Шикарно! – восхищенно воскликнул орк. – Еще бы одеть тебя в дорогие доспехи, и было бы самое то, что надо!

– Извини, но на дорогие доспехи я пока не скопил. Ладно, закрывай, и поехали.

Бургул опустил крышку гроба, и я оказался в полной темноте. Несмотря на хваленый конский волос, лежать в нем было жестко. Да и вентиляция, устроенная орком, не слишком-то облегчала мое положение. Было душно и сильно пахло свежим лаком.

«Ладно, как-нибудь перетерплю, – подумал я. – До Лабрассы не так уж и далеко!».

Телега тронулась и затряслась по ухабам. Я болтался в своем гробу из угла в угол, не имея возможности за что-нибудь ухватиться, и в душе проклинал все дороги на свете.

– Йоран, ты жив? – через некоторое время глухо донесся до меня голос Бургула.

– Для человека, лежащего в гробу, твой вопрос звучит просто неуместно, – сварливо буркнул я.

– Лежи тихо и не разговаривай, – наставительным тоном произнес он. – Если хочешь, можешь поспать. Только не храпи.

«Заснешь тут! – с раздражением подумал я. – Хорошо, что я не успел позавтракать, а то все кишки наизнанку вывернуло бы!».

На мое счастье телега вскоре выехала с проселка на мощеную дорогу, и трясоти стало чуть меньше. Теперь, когда меня перестало швырять от борта к борту, можно было спокойно поразмышлять. Я ведь так и не спросил Бургула про Эрлану. Со своим гробом он перепутал все мои планы на разговор с ним, а ведь очень хотелось узнать, как эльфийка оценивает

ситуацию, в которую я попал. Скорее всего, она сейчас занимается тем, как доставить меня во дворец канцлера. Не думаю, что ехать туда в том же самом гробу блестящая идея, а значит нужно придумать что-то другое. Но я верил в Эрлану, и не только потому, что она была умна. У нее имелись совершенно невероятные связи среди всех слоев населения Лабрассы, и то, что мне казалось невероятным, она выполняла с завидной легкостью.

Я давно подозревал, что истинное положение эльфийки намного выше, чем то, каким она представляет его окружающим. И еще я был почти уверен, что с канцлером Микато их связывают некие тайные совместные дела, и о них она не расскажет никому, даже мне. Ну а жизнь авантюриста – это же отличное прикрытие. Чем бы ты ни занимался, ни у кого это не вызовет подозрений.

Телега неожиданно остановилась, и я услышал сердитый окрик:

– Эй ты, образина клыкастая! Куда прешь со своей падалью?! Мало вас тут живьем околачивается, так еще и покойников своих тащить в столицу надумали!

Насколько я понял, мы достигли городских ворот, а сердитый голос принадлежал кому-то из стражи.

– Сам ты падаль! – беззлобно огрызнулся Бургул. – Это тело Великого мага Кристофуса Вассади, скончавшегося три дня тому назад!

– А ну, открывай! Посмотрим, что у тебя там за маг!

У меня ёкнуло сердце. Сейчас они откроют гроб, увидят меня и поднимут страшный шум. Соглядатаи зонитов, если они здесь присутствуют, тут же поймут в чем дело, и мне придется спасаться бегством. Далеко не факт, что на этот раз мне удастся уйти от них, а уж попасть во дворец к канцлеру и вовсе станет невозможным.

– Ну уж нет! – услышал я голос Бургула. – Открывай сам, раз такой смелый! Или не знаешь, что бывает с теми, кто потревожит прах волшебника до отпевания в храме?!

Если это был экспромт, то очень удачный. Я даже мысленно пооплодировал своему другу. Мне тоже было известно о суевериях, которые распространены вокруг смерти магов. Наслышан я был и о так называемом проклятии волшебника, которое ложится на каждого, кто из пустого любопытства решит поглазеть на его мертвое тело. С их похоронами всегда возникают определенные проблемы. Почему-то считается, что проклятие это не действует на орков и гномов, поэтому они обычно и привлекаются к доставке тела. Ай да Бургул! Если стражник был осведомлен на эту тему не меньше моего, то к гробу он и близко не подойдет!

– А если тебе нужна бумага, так вот она, – продолжил орк. – Разрешение на ввоз в Лабрассу тела покойного Кристофуса Вассади подписано самим капитаном городской стражи.

Некоторое время ничего не было слышно: должно быть, стражник читал бумагу. Потом вновь послышался его голос:

– Все в порядке. Давай, проезжай.

У меня отлегло на сердце. Городские ворота мы миновали, и первая задача была решена успешно. Телега потряслась еще немного по городским улицам, а затем остановилась. Бургул позвал кого-то на помощь, гроб аккуратно сняли с повозки и занесли в дом. Его поставили на пол, а затем шаги удалились и стихли.

Щелкнули замки, крышка откинулась, и я увидел улыбающееся лицо Эрланы.

– Привет, Йоран! – поцеловав меня в лоб, произнесла она. – Рада тебя видеть!

– Даже в гробу? – с усмешкой спросил я.

– Не болтай глупостей, – погрозила она мне пальчиком. – На мой взгляд, Бургул придумал просто гениальное решение. У нас, эльфов, кстати сказать, это считается хорошим знаком. Значит, проживешь долго. Так что вылезай и рассказывай, что у тебя там стряслось.

– Вы бы хоть покормили меня с дороги, – проворчал я.

– Покормлю, не беспокойся. И не какой-нибудь бургуловой стряпней, на которую смотреть-то тошно, не говоря о том, чтобы есть, а обедом в лучших эльфийских традициях. Ты доволен? Тогда в общих чертах обрисуй ситуацию.

Я вкратце рассказал о встрече в Хагантане, письме принца и всех моих последующих злоключениях. Эрлана внимательно слушала, нахмутив свой очаровательный лобик.

– Да, плохи дела, – задумчиво произнесла она, когда мой рассказ подошел к концу. – На этот раз ты действительно попал в серьезную переделку.

– Тебе что-нибудь известно об этом ордене эонитов? Кто они такие и почему так нагло себя ведут?

– Ничего, что могло бы успокоить тебя, я сказать не могу. Орден прочно обосновался в Лабрассе и стремительно набирает влияние. Более того, Августин Лорен благоволит к рыцарям и все чаще прислушивается к их советам. А тут еще, судя по всему, возникли серьезные противоречия между эонитами и Наварусом Микато. Возможно, сильная и самостоятельная фигура канцлера мешает им укрепить свое влияние на императора. Так что ты Йоран, оказался в самом центре политической интриги. Я не знаю каким образом со всем этим связан принц Эмильен, но то, что в его письме содержится некая компрометирующая орден информация, для меня несомненно.

– А кто такой Верховный Стратег?

– Не знаю, друг мой. Это очень закрытый орден. Возможно, так они называют своего командора или магистра какого-нибудь.

– Ты говоришь, что император благоволит к эонитам. Выходит, я совершил ошибку, не отдав письмо Эмерли?

– Это зависит от того, с какой стороны посмотреть на твой поступок, – ответила Эрлана. – С точки зрения своего собственного благополучия, ты конечно просчитался. Орден несметно богат, и ты мог бы получить немалую выгоду от сотрудничества с ним. Но если исходить из понятий чести, а также блага империи, то твой поступок совершенно справедлив. Не стану скрывать, что Августин возлюбил эонитов не за их выдающиеся моральные качества. Имперская казна опустела давно, а орден щедро ссужал его золотом. Но, как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку. Деньги, к сожалению, были потрачены неразумно. Наварус Микато не раз противился расточительности Августина, но результатов это не принесло. Его Величеству казалось, что щедрость эонитов бескорыстна, что так будет продолжаться всегда, а канцлер по старости лет просто не справляется со своими обязанностями, раз в огромной империи не может найти средств на его грандиозные замыслы. Эти настроения весьма умело подогревали люди из ордена, в результате чего влияние Микато на императора стало стремительно таять. Сейчас это уже совсем не тот всемогущий человек, каким он был еще несколько лет тому назад. Он впал в немилость и, как я полагаю, рано или поздно эониты окончательно оттеснят его от власти.

– А каким образом во всю эту историю замешан принц Эмильен?

– Пока ничего не могу сказать на этот счет. Думаю, канцлер объяснит тебе все, если сочтет это нужным.

– Выходит, я ненароком примкнул к партии, заранее обреченной на поражение?

– Нет, ты примкнул к партии, которая пытается спасти Лоренваль. Эониты из каких-то только им одним известных соображений пытаются подорвать могущество империи. Они охотно финансируют безумные траты императора на роскошь, но ни гроша не дают на действительно необходимые вещи. Твой полк, кстати сказать, тоже пал жертвой их козней.

– Ты хочешь сказать, что это заговор?

– Вполне возможно, или где-то очень близко к истине, – вздохнула Эрлана. – И в твоём письме наверняка есть сведения, подтверждающие это.

– Но Эмильен еще почти мальчик, – возразил я. – Неужели ты думаешь, что он может до такой степени разбираться во всех тонкостях борьбы за власть?

– Он очень умный мальчик, – ответила Эрлана. – Наварус сам готовил Эмильена к тому, что когда-нибудь тот займет трон, и, надо сказать, изрядно преуспел в этом начинании. Ну, так как? Ты все еще хочешь отнести письмо канцлеру?

– Больше чем прежде, но хотел бы выслушать и твой совет.

– В общем-то, я уже высказала свое мнение. Эониты толкают Лоренваль в пропасть, Наварус Микато всеми силами пытается предотвратить это падение, а значит правда на его стороне.

– Что же, я все понял. Ты придумала, как мне попасть во дворец канцлера?

– Конечно.

– Опять в гробу?! – рассмеялся я. – Боюсь, что старика хватит удар, когда я неожиданно появлюсь оттуда!

– Нет, это будет уж слишком, – улыбнулась Эрлана. – Мы прибудем туда открыто и по официальному приглашению.

Я с удивлением посмотрел на эльфийку. Неужели Эрлана не понимает всей серьезности моего положения?!

– Сегодня вечером во дворце канцлера проходит бал-маскарад, – пояснила она. – Это очень удобный повод проникнуть туда, скрыв свое лицо под маской, а при таком стечении народа еще и абсолютно безопасный. Приглашение, кстати сказать, настоящее и выдано самим Микато.

– Так ты уже встречалась с ним?! – воскликнул я.

– Конечно, и часть из того, что рассказала тебе, узнала от него лично.

– И он не против того, чтобы посвятить меня в тайны двора?

– Наварус крайне нуждается в верных людях, – ответила Эрлана. – Кроме того, мы решили, что будет непорядочно использовать тебя вслепую. Ты повзрослел, Йоран, а потому имеешь полное право знать всю правду и самостоятельно решать свою судьбу.

4. Маскарад

Обедали мы втроем: я, Эрлана и Бургул. О моих делах не говорили – эльфы не любят смешивать прием пищи с разговорами. Тем более что приготовлено все было удивительно вкусно. Даже неприхотливый в еде Бургул был в полном восторге от того, что сумела наскоро приготовить Эрлана, не говоря уж обо мне, сильно истосковавшемся по нормальной кухне за время путешествия. И когда она только все успевает?!

После обеда мы расселись по удобным креслам в гостиной, и я повторил свой рассказ, но на этот раз уже в деталях. Коснулся я и темы «Молчаливого Братства».

– Никогда не слышала о них, – покачав головой, произнесла Эрлана. – А ты, Бургул?

– Тоже ничем не могу помочь, – ответил орк. – На мой взгляд, это не так уж и важно. Наемные убийцы все одинаковы. Они исполняют заказ, а, следовательно, искать нужно того, кто за ними стоит.

– Кто за этим стоит, мне и так известно, – вздохнул я.

– Возможно, у Наваруса есть какие-то более точные сведения, – предположила Эрлана. – Он ведет борьбу с орденом, а стало быть, лучше нас знает своего противника.

Я обратил внимание на то, что она уже не в первый раз называет канцлера по имени, как хорошего знакомого, а значит их связь и в самом деле гораздо теснее, чем мне казалось ранее. Да и не стал бы Микато в столь щекотливой ситуации доверять кому попало.

– Когда у меня будет встреча с ним? – спросил я.

– Ближе к вечеру, – ответила Эрлана. – Во время бала он сам найдет способ устроить встречу так, чтобы его внезапная отлучка не привлекла внимания. Просил только, чтобы мы постоянно были у него на виду. Микато крайне заинтересован в скорейшем получении письма, но вынужден соблюдать осторожность. Я уже говорила, что его положение при дворе сейчас довольно шаткое.

– Да, конечно. Я понимаю его опасения. Мы встретимся с ним наедине?

– При разговоре буду присутствовать только я. Канцлер сам попросил меня об этом.

Эта новость порадовала меня. Я не так уж часто общался со столь высокопоставленными особами и до сих пор испытывал некоторый трепет перед ними. Так что присутствие Эрланы было для меня желательным и располагало к более откровенной и содержательной беседе. Я не знал, чем она закончится. Вполне возможно, что моя роль ограничится только доставкой письма, но судя по некоторым словам эльфийки, канцлер имел какие-то собственные планы относительно моей особы.

Ближе к вечеру мы начали готовиться к балу. Маскарады были давней традицией Лабрассы, поэтому костюмы и маски к ним готовились приглашенными заранее и подходили они к этой задаче со всей ответственностью. Одежда для костюмированного бала сильно отличалась от обычной. В первую очередь в ней поощрялась фантазия участника маскарада, его индивидуальность, необычность создаваемого образа. Рушились все общепринятые каноны. То, что в повседневной одежде могло показаться вызывающим, а то и вовсе неприличным, в маскарадном костюме только приветствовалось.

Стоит ли говорить, что в столице существовали даже отдельные ателье, которые занимались исключительно маскарадными костюмами и работали над их созданием лучшие портные Лабрассы. То же самое можно было сказать и о масках. Каждая из них была настоящим произведением искусства, на их украшение не жалели ни позолоты, ни драгоценных камней. Стоила вся эта роскошь огромных денег, и тот факт, что Эрлане удалось в столь короткий срок раздобыть два великолепных костюма и две не менее великолепные маски, для меня был подобен чуду и давал лишний повод для восхищения этой удивительной женщиной.

Костюмы изображали черного кота и белую кошку и составляли пару. Облегающие шелковые штаны и бархатный камзол кота были расшиты серебряной нитью, а почти воздушное платье кошки золотой. Соответственно маски были отделаны серебром с чернением и золотом с белой эмалью. Я даже представить не мог, сколько может стоять вся эта красота, уж всяко в разы дороже лакированного гроба, навязанного мне Бургулом, а потому не удержался от нескромного вопроса:

– За чей счет танцуем?

– Не беспокойся, – успокоила меня Эрлана. – Костюмы прислал мне канцлер. Он отлично понимает, что твое состояние не позволяет делать столь расточительные покупки, а потому взял все расходы на себя.

– Весьма благородно с его стороны, – с облегчением вздохнул я. – Что же, приступим к примерке?

Около шести часов вечера к дому Бургула подъехала крытая карета. Ее появление порадовало меня. Признаюсь честно, что пройти по городу в кошачьем облики было бы для меня тяжелым испытанием. Это Эрлана радовалась возможности покрасоваться в каждом новом наряде, как ребенок, а мне, человеку военному, изображать из себя шута как-то не пристало. Ладно еще на маскараде, где все выряжены подобным же образом, но пройти по улице с привязанным хвостом и кошачьей физиономией, нацепленной на лицо – это уж слишком!

Оглядевшись по сторонам, я быстрыми шагами подошел к карете и распахнул дверцу перед Эрланой. Моя напарница величественно прошествовала к экипажу, и с достоинством приняв мою помощь в виде поданной руки, заняла свое место. Я тут же заскочил внутрь следом за ней.

– Не торопись так, Йоран, – шикнула на меня Эрлана. – Я понимаю, что ты опасаешься слежки, но излишней спешкой ты только привлечешь к себе внимание.

– Можно подумать, что вырядившись таким чучелом, я буквально растворился в толпе, – усмехнулся я. – Да и не в слежке дело. Эти штаны настолько узкие и тонкие, что иногда мне кажется, что их нет вовсе!

– Не говори глупости. У тебя красивые ноги, и облегающие штаны только подчеркивают их идеальную форму.

Спорить с Эрланой я не стал. По опыту знаю, что переубедить ее в чем-нибудь просто невозможно. Мы устроились на сидениях, и карета тронулась с места.

– Помни, что мы постоянно должны быть на виду у канцлера, – наставляла меня Эрлана. – И пожалуйста, не стой букой! Мы едем на маскарад развлекаться, вот и покажи это всем окружающим. Танцевать ты, к счастью для меня, умеешь неплохо, а это на балу самое главное.

Ехали мы не слишком долго. Вскоре карета остановилась перед воротами дворца канцлера, мы с Эрланой вышли из нее и предъявили стражникам приглашения, подписанные Наварусом Микато. Те мельком глянули в бумаги и кивком пригласили нас проходить. Честно говоря, беспечность стражи даже возмутила меня. При такой постановке дела под видом гостя во дворец легко мог проникнуть не только наёмный убийца «Молчаливого братства», но и какой-нибудь горный тролль или даже дракон, имея он при себе писульку с подписью канцлера. Хотя с другой стороны понять стражников тоже можно. Представляю, до какой степени им надоели напыщенные физиономии этих светских бездельников, раз они даже смотреть в их сторону не хотят!

Но не буду занудой. Расскажу лучше немного о самом Наварусе Микато, а потом и о его дворце. Личность канцлера была широко известна в Лоренвале, хотя особой популярностью в народе она и не пользовалась. Думаю, этому совсем не сложно найти объяснение. Во-первых – власть на то и существует, чтобы ее постоянно ругали. Ни для кого не секрет, что каж-

дый из нас хочет жить лучше, но далеко не у всех это получается. А кто-нибудь из вас может сказать, что виной тому собственная лень, глупость или нерасторопность? Нет, конечно! Значит, истоки всех наших неудач следует искать в чем-то другом.

И здесь на ум сразу же приходит власть. Вот он, корень всех наших бед! Мы стараемся, из кожи вон лезем, чтобы обеспечить себе достойное существование, а бездарные правители сводят все наши усилия на «нет»! Причем каждый из нас точно знает, как сделать так, чтобы всем было хорошо, и только те, кто сидит на самом вершине, не замечают очевидного! Не император, конечно! Его власть дана нам свыше, от богов, и спорить с этим бессмысленно. А вот все его ушное, вороватое окружение только и делает, что вставляет палки в колеса своему народу и отнимает у него вполне заслуженное благополучие.

Все это с полным правом можно было отнести и к канцлеру Микато. Больше того, он занимал свою должность уже больше сорока лет, пережив двух императоров и побывав регентом при последнем, а значит и спрос с него был особый. Да и надоед он народу тоже. Все-таки четыре десятка лет, и все Микато да Микато.

Но так рассуждают обыватели, близко не знакомые с деятельностью канцлера. Мне же о нем известно пусть и не намного, но больше остальных. На мой взгляд, это выдающаяся личность, хотя и не без своих недостатков. Многие, к примеру, говорят, что Наварус Микато склонен к аскетизму в быту. Честно говоря, судя по его дворцу, я бы этого не сказал. Резиденция канцлера была огромна и уступала своими размерами и роскошью разве что императорской. Хотя понятие аскетизма у разных слоев общества тоже заметно отличаются. Как говорит мой досточтимый папаша Йон, у кого-то похлебка жидковата, а у кого-то бриллианты мелковаты. Мне сложно судить об этом, поскольку в высшем свете я еще не вращался и в домах столичной аристократии тоже бывал не часто. Возможно, с их точки зрения, канцлер Микато мог позволить себе и более комфортное жилье, но на меня и это всегда производило неизгладимое впечатление.

Фасады дворца были отделаны мрамором, причем количество примененных сортов я затруднился бы даже назвать. На первый взгляд не меньше пятнадцати, но скорее всего их было гораздо больше. По тщательности обработки деталей можно было предположить, что камнерезные работы были выполнены гномами. Возможно, их работе не хватало экспрессии, так свойственной эльфийским мастерам, но уж за выверенную точность каждого элемента декора можно было смело поручиться. В плане дворец имел «П»-образную форму, а с южной стороны его внутренний двор был огорожен величественной колоннадой и изящной чугунной решеткой, заполнявшей просветы между колоннами. В середине этого творения находились широкие ворота, через которые мы и прошли внутрь.

Гостей было много. От пестроты расцветок костюмов и причудливости их покроя просто рябило в глазах. На их фоне наши кошачьи одеяния казались чуть ли не верхом скромности, и это порадовало меня, поскольку самые экстравагантные из костюмов тут же становились предметом обсуждения, а в моем положении привлекать к себе излишнее внимание ну никак не стоило. Узнать кого-нибудь под масками для меня казалось совершенно невозможным, но это ничуть не смущало собравшихся на бал аристократов. Они как будто видели сквозь них и восторженными возгласами приветствовали своих знакомых.

Мы с Эрланой пересекли двор и по широкой мраморной лестнице вошли в огромный парадный зал. Несмотря на то, что еще не стемнело, здесь уже горели свечи, распространяя вокруг себя изысканный аромат. В их мерцающем свете костюмы гостей выглядели еще интереснее и загадочней. Негромко звучала музыка, но она пока лишь создавала ненавязчивый фон для праздника. Танцы еще не начались, так как все ожидали появления канцлера.

Мы расположились неподалеку от оркестра, и у нас появилось время осмотреться вокруг. В первую очередь меня интересовали те, кто хоть чем-то выделялся из беззаботно щебетавшей толпы, но таких оказалось немного. Да и вряд ли их сразу же можно было зачис-

лить в шпионы зонитов. Возможно, эти люди просто находились в дурном расположении духа, а потому были не склонны к общению. Мне вдруг подумалось, что если шпионы здесь и присутствуют, то они точно также пытаются вычислить среди гостей меня, а потому решил начать ничего не значащий разговор с Эрланой. Она, тут же сообразив в чем дело, охотно поддержала мое полезное начинание.

Наконец появился и Наварус Микато. На нем была маска марабу, и узнал я его только потому, как оживились гости и как они склонились перед ним в почтительных поклонах. За канцлером, гремя на ходу многочисленными бубенчиками, шел старый шут Яго. Несмотря на почтенный возраст, он был еще очень подвижен и славился на всю Лабрассу своим острым языком, за который был прозван Колючкой. Лишь очень немногие знали, что шутовской колпак был всего лишь отличным прикрытием для одного из самых верных и доверенных людей Микато. Я сам узнал об истинной роли Яго при канцлере лишь потому, что однажды уже исполнял его секретное поручение, и шут сыграл в том запутанном деле немаловажную роль.

– Что-то я не вижу бурного веселья! – бодрым голосом проорал Яго. – Честное слово, господа, Вы как на похоронах! Если бы не эти странные костюмы, то я подумал бы, что вы пришли проводить в последний путь моего почтенного хозяина!

В нынешних обстоятельствах, когда могущество канцлера начало таять, шутка Яго носила двойственный характер, а потому сразу вызвала множество пересудов, шепотом передаваемых от гостя к гостю.

– Типун тебе на язык, Колючка, – криво усмехнулся Наварус Микато. – Я пока на тот свет не собираюсь. А что касается моих гостей, то они скорее уж пришли проводить туда тебя. Для похорон дурака дурацкая одежда, по-моему, подходит в самый раз.

– О, господа! Какая большая честь для меня! – с энтузиазмом воскликнул шут. – Столько знатных особ, и все пришли только для того, чтобы отдать дань памяти старине Яго! Благодарю Вас, господа, покорнейше благодарю! Но тут есть одна маленькая неувязочка, мой господин. Я, к сожалению, пока еще жив, и все эти благородные люди будут крайне разочарованы, не обнаружив на месте моего трупа. Но ради тебя, Наварус, и ради этих достойных людей я готов на все! Могу даже притвориться мертвым, чтобы сделать приятное твоим гостям!

И, не дожидаясь согласия канцлера, Яго подбежал к столику с яствами, раздвинул их в стороны и улегся плашмя прямо между тарелок, скрестив на груди руки. Некоторое время он старательно изображал из себя покойника, потом левой рукой быстро схватил пирожное, моментально засунул его в рот и вновь вернулся в прежнее положение.

– Как я выгляжу? – с набитым ртом спросил шут.

– Как и положено дураку, – с печальным вздохом ответил Микато.

– Ну, это ты брось! – разочарованно протянул Яго. – Об усопших не принято говорить плохо.

– Вот когда будешь настоящим покойником, тогда и выдвигай свои претензии, – возразил канцлер.

– Тогда я уже не смогу, – обиженным тоном ответил Яго. – Покойники, как тебе известно, не разговаривают. Так что мне сегодня представилась отличная возможность побывать на собственных похоронах, а ты сам можешь считать этот вечер репетицией. Вот я лежу на скорбном одре, и что же я слышу?! Дураком жил, дураком и помер? Нет, друг мой Наварус, так не годится! Придумай что-нибудь величественное и скорбное, такое, чтобы все собравшиеся проводить старика Яго в последний путь безутешно рыдали над его остывшим телом! Кстати, когда будешь хоронить меня по-настоящему, не забудь заказать этих пирожных. Мне они очень понравились.

– Договорились. Обязательно положу тебе в гроб целую коробку. Кушай на здоровье, Яго. А теперь вставай и займись своим делом. Гости пришли сюда танцевать, а не смотреть на твои убогие кривляния.

– Слушаюсь и повинуюсь! – воскликнул Яго, вскочил со стола и, прихватив с собой тарелку с пирожными, направился к оркестру объявлять первый танец.

Вечер подходил к концу. Мы с Эрланой не пропускали ни одного танца, стараясь все время быть на виду у канцлера, но тот пока также старательно делал вид, что не замечает нашего присутствия. На маскараде тем временем царствовал Яго Колючка, из которого шутки сыпались, как из рога изобилия.

Я впервые был на приеме такого уровня и, могу сказать смело, первый опыт для меня оказался удачным. Мало того, что здесь и в самом деле было весело, так еще рядом со мной весь вечер находилась Эрлана. Иногда я даже забывал, что прибыл сюда по важному и опасному делу, а потому просто наслаждался этим подаренным мне судьбой прекрасным вечером.

– А теперь мареска! – прокричал Яго и извлек из-за занавеси целую корзину матерчатых браслетов с бубенчиками.

В зале оживились. Мареска была одним из самых любимых танцев в Лабрассе, а бубенчики ее неизменным атрибутом. Браслеты надевались на запястья и ими танцующие потряхивали в такт музыке. Говорят, что когда-то этот танец придумали эльфы, и как любое творение дивного народа, мареска имела свой магический смысл. Вроде бы, исполняли ее в засушливый период года для того, чтобы вызвать дождь. Не могу сказать, насколько действенным был подобный способ влияния на погоду, но сам танец людям очень понравился, и они стали исполнять его по праздникам. Мы с Эрланой конечно же оказались в первых рядах соискателей вожделенных браслетов.

– Хочу порадовать вас, – продолжил Яго. – Сегодня лучшие исполнители марески получат от нашего любезного хозяина ценные подарки. Его сокровищница будет открыта для вас, и вы сами сможете выбрать любую понравившуюся вещь, кроме тех, конечно, которые канцлер отдать не захочет! Как вам нравится такое предложение, господа?!

Гости ответили бурными изъявлениями восторга.

– А выбирать лучших будет знаете кто?! – таинственным полупшепотом спросил шут. – Нет, вовсе не Микато! Он же ничего не смыслит в танцах, к тому же обязательно вручит приз исходя из каких-нибудь своих скучных политических соображений. Нет! Судьей будет человек абсолютно непредвзятый и неподкупный! Кроме того, он непревзойденный ценитель прекрасного, а уж танцев особенно. Как вы уже, наверное, догадались, это ваш покорный слуга Яго Колючка!

Танцоры радостно поприветствовали самозваного ценителя, предвкушая очередное развлечение.

– Приготовься, Йоран, – шепнула мне на ухо Эрлана. – Мы должны обязательно победить в этом соревновании. Думаю, именно ради этого оно и устраивается.

Что же, я был готов. Танцевать у меня всегда получалось неплохо, даже сам не знаю почему, а с такой великолепной партнершей, как Эрлана, мои шансы на успех были очень велики. Зазвучала музыка, и танцоры дружно двинулись по кругу, потряхивая запястьями. Яго Колючка зорко наблюдал за парами, то и дело отсеивая тех, кто, по его мнению, был не достоин главного приза.

– Лисичка, ну что Вы творите?! Вы же оттоптали своему партнеру все ноги! Попрошу Вас выйти из круга! Олень, ну что Вы топаете, словно горный тролль?! Так ведь и пол проломить недолго!

Танцоров оставалось все меньше, а на нас с Эрланой снизошло вдохновение. Мы танцевали так чувственно, что это не осталось незамеченным, и зрители даже начали аплодировать нам.

– Посмотрите-ка на этих кисок! – тут же отреагировал Яго. – Что они вытворяют! Какая страсть! Какой экстаз! И после этого эльфы будут утверждать, что мареска – это обрядовый танец для вызова какого-то там дождя?! Похоже, что они все эти годы морочили нам голову! Давайте, киски! Давайте! Вы в шаге от победы!

Поддержка зала и слова шута придали нам новых сил, и мы завершили танец на такой высокой ноте, что сомнений в нашей победе не осталось ни у кого.

– Наварус, ты видел это?! – возликовал Яго. – Похоже, я выражу общее мнение, если скажу, что сегодня наши кошечки были лучшими! Придется тебе сегодня повязать им праздничные бантики и накормить свежей сметанкой!

– Не возражаю, – улыбнувшись, ответил канцлер. – Проводи их в мою, как ты выразился, сокровищницу. Не скажу, что я осыплю их золотом с ног до головы, но, надеюсь, они останутся довольны моими подарками.

Под рукоплескание гостей праздника, а также самого канцлера мы покинули зал в сопровождении шута.

Держа в руке тяжелый бронзовый подсвечник, Яго вел нас по бесконечным коридорам дворца. Мы шли молча, так как в окружающем нас полумраке легко могли оказаться посторонние уши, для которых любое неосторожно сказанное слово могло дать нежелательную пищу к размышлению. Стражников в коридорах почти не было, поскольку все силы дворцовой охраны сосредоточились сейчас вокруг танцевального зала. Несмотря на то, что на нас были мягкие танцевальные туфли, звуки наших шагов все равно гулко разносились под сводами огромных пустых помещений.

Возможно, окружающая обстановка так повлияла на меня, или просто мои нервы начали сдавать после стольких дней напряженного ожидания нападения, но едва мы покинули танцевальный зал, как на меня тут же нахлынуло ощущение какой-то скрытой опасности, притаившейся здесь, где-то совсем рядом. Возможно, вы посчитаете меня трусом, но я привык доверять своим чувствам, а потому сосредоточился, в любую минуту ожидая появления врага.

К сожалению, и на этот раз мои предчувствия не обманули меня. Двое стражников отделились от стены и преградили нам дорогу алебардами, а за нашими спинами с легким скрипом отворилась дверь, из которой вышли четыре человека в маскарадных костюмах, но при мечах. Увы, у нас самих оружия не было совсем.

– В чем дело, господа?! – возмутился Яго. – Что вы себе позволяете?!

– Замолкни, шут, – осадил его верзила в костюме кабана. – Если будешь держать свой острый язычок за зубами, то возможно останешься жив. У нас есть серьезное дело, но не к тебе, а к этим «кискаам». Есть одна вещь, которую мы очень хотели бы от них получить, и которую они, надеюсь, отдадут нам добровольно.

«Это не «молчаливые братья» – пронеслось у меня в голове. – «Те вообще не произносят ни звука при нападении, а уж если и обрели бы голос, то не стали разводить подобную демагогию!».

– Господа, если вы решили нас ограбить, то спешу огорчить, ничего ценного мы при себе не имеем, – с поразившим меня спокойствием в голосе произнесла Эрлана.

«Грабители? Во дворце канцлера? Что она несет?!» – подумал я.

– Вы предпочитаете, чтобы я взял то, что мне нужно, с ваших трупов? – зловеще усмехнулся верзила.

Я не стал дожидаться, пока он начнет претворять свои угрозы в жизнь. Оружия у меня при себе не имелось, поэтому мне, во что бы то ни стало, необходимо было завладеть им. Оглядевшись по сторонам, я неожиданно для всех бросился в ноги одному из стражников, сбил его и, подхватив выпавшую у него из рук алебарду, нанес сокрушительный удар второму.

– Бегите! – крикнул я Эрлане и Яго, а сам занял оборонительную позицию.

«Кабан» выхватил свой меч и атаковал меня. Честно говоря, фехтовальщиком он оказался посредственным, и я без особого труда справился с ним, воткнув острие алебарды прямо в сердце. Остальные трое, увидев, что их ряды буквально на глазах сократились вдвое, бросились наутек. Я не стал догонять их. Мне сейчас гораздо важнее было оказаться в безопасном месте, чем сводить счеты с этими неудачниками. Обернувшись, я увидел, что мои спутники, вопреки приказу, вовсе не стали спасаться бегством, а терпеливо ждут меня.

– Что с этими? – спросил я, кивнув в сторону стражников.

– Один готов, другого Яго оглушил подсвечником, – ответила Эрлана.

– Почему вы не ушли? Я, кажется, ясно сказал: «Бегите»?

– Без тебя? Это не имело никакого смысла.

– Могли хотя бы позвать кого-нибудь на помощь.

– А если бы этот «кто-нибудь» оказался из их компании?

– Черт знает что! – в сердцах сплюнул я. – Не думал, что во дворце канцлера может происходить такое!

– Во дворцах еще и не такое случается, – печально вздохнул Яго. – Увы, но это не самое безопасное место для проживания. Давайте пока оттащим эту троицу в ближайшую комнату. Не стоит давать дворцовой челяди поводов для пересудов.

Мы занесли тела за ту дверь, из которой вышли нападавшие. Убитых накинута ска-тертью со стола, а оглушенного крепко связали. Возможно, канцлер захочет допросить его лично.

– Кто эти бандиты? – спросил я у Яго.

– Тебе лучше знать, – скупко ответил шут.

«А вот это вряд ли» – подумал я. – «Уж больно эти люди не похожи на наемников ордена. Просто балаган какой-то!».

Но вслух я этого говорить не стал. За последнее время я, наконец, понял – чем меньше даешь информации окружающим тебя людям, тем спокойнее себя чувствуешь. И если канцлер доверяет Яго, это вовсе не означает, что и я тоже могу полностью на него положиться. Ладно, в конце концов, мое дело отдать письмо Наварусу Микато, а там уж он пусть сам разбирается.

Яго привел нас в кабинет канцлера, после чего молча удалился. Его поведение все больше настораживало меня. Ни один нормальный человек не пошел бы в одиночку разгуливать по пустому дворцу сразу после нападения бандитов, особенно если они еще не все обезврежены. И хотя причислять шутов к нормальным людям как-то не принято, чувство самосохранения наверняка должно быть и у них тоже.

Теперь я был почти уверен в его причастности к этому инциденту. Вот только зачем ему понадобилось инсценировать нападение? Если бы Яго действительно работал на зонитов и хотел завладеть письмом, то проще было бы опоить нас ядом, а потом спокойно обыскать. Ну не дурак же он и в самом деле?!

Я хотел поговорить о своих подозрениях с Эрланой, но она знаком дала понять, что сейчас не время для разговоров, так что мне приходилось разбираться с моими мыслями самостоятельно. Прошло минут двадцать, прежде чем появился канцлер.

5. Канцлер Наварус Микато

Наварус Микато вошел в дверь, и мы с Эрланой быстро вскочили со своих мест и склонились в почтительных поклонах.

– Здравствуй, – скупое кивнув мне, ответил на приветствие Наварус Микато. – Что там у вас случилось? Яго доложил мне, что вы подверглись нападению?

– Ничего особенного, – усмехнулся я. – Похоже, что кто-то из Ваших гостей просто остался недоволен судьейством Яго и решил забрать обещанный нам с Эрланой приз за танец себе.

– Почему ты думаешь, что нападение не связано с тем делом, которое привело тебя ко мне? – поинтересовался канцлер.

– Слишком уж непрофессионально они действовали. Мне уже приходилось сталкиваться с наемниками эонитов, поэтому я знаю, о чем говорю.

– Они могли узнать о твоём визите во дворец в последний момент и прислать тех, кто оказался под рукой? – предположил Микато.

– Возможно, но маловероятно, – ответил я. – У меня есть версия, но Вам она может показаться странной.

– Выкладывай.

– Я полагаю, что это были Ваши люди.

– Мои?! – рассмеялся канцлер. – Зачем же мне пытаться силой завладеть тем, что ты и так нес мне добровольно?

– Возможно, Вы не до конца доверяете мне и решили устроить проверку?

– Тогда зачем ты убил этих людей, если знал, что они работают на меня?

– У меня не было полной уверенности в том, что они Ваши. Насторожили лишь некоторые несуразности в их действиях.

– Какие же, например?

– Вместо того чтобы напасть внезапно, они устроили перед нами целый спектакль, да еще и заранее объявили о своих намерениях. Так поступают только в том случае, если уверены, что жертва не окажет сопротивления. О том, что я не отношусь к таким людям, в ордене уже успели убедиться.

– Старый шут, женщина и безоружный мужчина против шестерых – разве это не дает повода считать вас беззащитной жертвой?

– Дает, но только если ты сам мастер. Извините, но Ваши люди владели оружием весьма посредственно.

– Я разве сказал, что они мои?

– Но и не возразили против этого.

– Что же, будем считать, что проверку ты прошел.

– Смотря что Вы проверяли, – возразил я. – Если Вы хотели проверить меня на связь с эонитами, то любое мое действие в данной ситуации оставляло бы сомнения.

– Поясни? – заинтересованно спросил Микато.

– Будь я связан с орденом, я заранее знал бы, что засады быть не должно, а значит это проверка. Чтобы пройти ее, мне обязательно нужно было оказать сопротивление. Но вся несуразность ситуации заключается в том, что если я не агент эонитов, то моя реакция на нападение должна была быть точно такой же.

– Согласен, – кивнул канцлер. – Это была далеко не лучшая идея. Забудем об этом досадном недоразумении и перейдем к делу.

Я достал пакет с письмом принца и молча протянул его канцлеру.

«А ведь из-за этого „досадного недоразумения“ погибли два человека, – с сожалением подумал я. – Жестокую игру Вы ведете, господин Микато, и Ваши нравственные принципы мало чем отличаются от тех, которые применяют эониты. Что же, это хороший урок и для меня. Пора расставаться с наивной юношеской привычкой делить все на черное и белое. В жестокой игре жестокие правила, и канцлер в ней не исключение. Точно так же, как этих двоих, он без угрызений пошлет на смерть и меня, если в том возникнет политическая необходимость».

Я вдруг осознал, что вообще-то моя жизнь сейчас висит на волоске. Если канцлер решит, что моя роль в этом деле исчерпана, меня просто уберут, как ненужного свидетеля, и займутся моим уничтожением уже не дилетанты вроде тех, с кем нам пришлось столкнуться сегодня, а настоящие профессионалы. Вот уж никогда не мог подумать, что доставка самого обыкновенного письма может обернуться для меня таким количеством проблем!

Первым делом канцлер проверил сохранность печатей, и только после этого вскрыл его. Не думаю, что это происходило от какого-то недоверия ко мне. Просто постоянная работа с документами выработала у Микато такую вот педантичную привычку. Несколько раз перечитав текст, он отошел в сторону и сел в кресло.

«Да уж! – размышлял я. – Плохи, видать, дела у канцлера, раз он вынужден соблюдать предельную осторожность даже у себя дома! И постарел очень за это время. Выглядит полной развалиной. Как говорит мой папаша Йон, краше в гроб кладут! Единственное, что осталось неизменным, так это глаза. В них по-прежнему светится живой ум и чувствуется железная воля».

Наварус Микато все еще сидел в своем кресле, сосредоточенно уставившись в одну точку. Мне даже подумалось, что канцлер просто забыл про нас и сейчас, наверное, правильнее будет тихо удалиться, чтобы не мешать его раздумьям. Я вопросительно посмотрел на Эрлану, но она жестом показала мне, что надо ждать. Наконец Микато вышел из состояния задумчивости и, посмотрев на меня, сказал:

– Благодарю тебя, Йоран. То, что содержится в этом письме, очень важно и для Лоренваля, и для меня лично. Я, конечно, понимаю, что одних слов благодарности мало, и более весомую награду ты тоже получишь, но слова эти искренние, так что прими и их тоже. Ты действительно очень помог мне. И вот еще что. Наверное, я должен извиниться перед тобой. Ты верой и правдой служил короне, и твоя отставка была верхом неблагодарности. Увы, но я был бессилён изменить хоть что-то. К сожалению, король перестал прислушиваться к моим советам.

– Я ни в коем случае не держу обиды ни на Вас, ни на Его Величество, – с поклоном тактично ответил я. – Это его абсолютное суверенное право иметь тех слуг, которые лучше исполняют свою работу.

– Эх, если бы так! – безнадежно махнув рукой, вздохнул канцлер. – Я был бы счастлив передать дела в надежные и верные руки! Моя жизнь подходит к концу, и это стало бы для меня лучшей наградой за проделанную работу!

Он внимательно посмотрел мне в глаза и продолжил:

– Я ценю деликатность, с которой ты уклонился от неприятной для тебя темы, но хотел бы поговорить с тобой откровенно. У меня есть некоторые планы относительно тебя. Если ты согласен обсудить их, то мы продолжим разговор, если же нет, то упрекать тебя я не стану. Ты получишь щедрое вознаграждение за проделанную работу, и мы расстанемся друзьями.

«А вот в этом я не совсем уверен, – пронеслось у меня в голове. – Если я откажусь от его предложения, то вряд ли выйду из дворца живым, а если случится чудо и канцлер окажется милосерднее, чем я думаю, то за воротами дворца меня будут поджидать наймиты

ордена. Им же наверняка захочется узнать, о чем я говорил с Микато! Так что единственный реальный шанс сохранить свою жизнь – это согласиться на предложение канцлера».

– Я согласен на разговор – вслух ответил я.

– Не торопись, Йоран, – остановил меня канцлер. – Обдумай все как следует. Я сейчас далеко не в фаворе, а многие из высокопоставленных придворных уже откровенно избегают контактов со мной. Император пока еще ценит мои прошлые заслуги, но давление на него со стороны тех, кто поставил своей целью свалить меня, растет. Вполне возможно, что ты поставишь не на ту карту.

– Если Ваши недруги орден зонитов, то я на Вашей стороне, – усмехнулся я. – Меня вряд ли можно отнести к высокопоставленным особам, так что терять мне особо нечего.

– Ты так не любишь зонитов?

– До недавнего времени я почти ничего не знал о них, но когда кто-то начинает неистово охотиться за твоей головой, вряд ли это вызывает к нему дружеское расположение.

– Что же, тогда постараюсь убедить тебя в том, что злодеяния ордена не ограничиваются попытками смещения меня с поста канцлера и неприязнью к тебе лично, – с грустной иронией в голосе произнес Микато. – Начну, пожалуй, с того, как зониты появились при дворе. Произошло это около пяти лет тому назад. Ты, наверное, помнишь тот злосчастный год. Казалось, что все беды разом обрушились на нас. Север залило дождями, на юге наоборот все высохло, неожиданно начался мор скота, в преддверии возможной голодной зимы оживились бандиты и разбойники всех мастей, соседи, как сговорившись, начали яростные атаки на наши рубежи. Мы только успевали потушить пожар в одном месте, как он тут же возникал в другом. Казна стремительно пустела, я не успевал затыкать все денежные дыры, количество которых увеличивалось с пугающей быстротой. Естественно, Его Величество был крайне раздосадован этим обстоятельством, и вот тут-то, словно черт из табакерки, выскочил командор ордена зонитов Себастьян Эль Виго. Представил его императору, кстати сказать, граф Серхио Кавьедо, твой дед.

При упоминании этого имени я невольно напрягся. Да, граф Кавьедо действительно приходился мне родным дедом по материнской линии, но наша семья никогда не поддерживала с ним контактов.

Это давняя история, и началась она еще задолго до моего рождения. Мой отец, Йон Магнусен, происходил из мелкопоместных, не слишком знатных и богатых дворян. В ту пору он, как и я до недавнего времени, служил в императорской армии. Воином он был отменным, что не раз доказывал в боях, и за что высоко ценился прежним императором. Его карьера стремительно шла в гору. Благоклонность Его Величества открыла моему отцу двери в высший свет, и на одном из балов он познакомился с рыжеволосой красавицей Хеленгой, дочерью графа. Не знаю, чем уж он до такой степени привлек внимание столь знатной дамы, поскольку ни красотой, ни положением в обществе похвастать не мог, но факт остается фактом – между ними вспыхнула страстная любовь.

Со свойственной влюбленным легкомысленностью, отец нанес визит графу и попросил у него руки дочери. Конечно же, Серхио Кавьедо был не в восторге от перспективы породниться с безродным выскочкой из провинции и отказал ему в грубой и надменной форме. Не помогли даже уговоры дочери. Отцу было приказано никогда больше не появляться в доме графа, а Хеленге запрещено даже думать о нем.

Это был серьезный удар по самолюбию Йона, и не знаю, как он пережил бы такое, но в ту пору разразилась серьезная и кровопролитная война на востоке Лоренваля. Отец был отправлен туда, и сражался с безумной храбростью. Возможно, он искал смерти, но боги хранили его, раз за разом вытаскивая из безнадежных ситуаций. Слава о подвигах Йона Магнусена была даже воспета менестрелями, а император лично посвятил его в рыцари.

И вот тут отец набрался смелости и обратился к Его Величеству с нижайшей просьбой осчастливить его на всю оставшуюся жизнь, сосватав с дочерью графа Кавьедо. Император милостиво согласился оказать ему эту услугу. Он позвал к себе присутствовавших на церемонии графа и красавицу Хеленгу, и спросил у девушки, хочет ли она стать женой рыцаря Йона Магнусена. Та, не помня себя от счастья, ответила согласием.

– Тогда вопрос можно считать решенным! – с улыбкой произнес император. – Данной мне богами властью объявляю вас мужем и женой!

На графа Кавьедо страшно было смотреть. Он позеленел от злости, но перечить своему сюзеру все-таки не посмел. Скандал разгорелся чуть позже, когда они все вместе покинули императорский дворец. Граф обзвал моего отца проходимцем, хитростью пролезшим в его семью, наговорил ему кучу гадостей и даже проклял собственную дочь, якобы прилюдно опозорившую гордое имя Кавьедо. Все это, конечно же, омрачило радость молодоженам, но они все равно были счастливы хотя бы тем, что теперь открыто могли любить друг друга.

К сожалению, счастье это продлилось недолго, всего шесть лет. Отец ушел в отставку, после чего они с матерью перебрались в наше родовое поместье Дробенхейм. Хеленга родила ему двух сыновей, моего старшего брата и меня, но через два года после моего появления на свет скончалась от какой-то неизлечимой болезни. Что послужило причиной такого трагического конца, я точно не знаю. Возможно, мать оказалась просто не готова к суровым условиям проживания на Севере, а может быть, на нее так подействовало проклятие графа. Отец никогда не рассказывал нам с братом об этом периоде своей жизни, поскольку очень тяжело переживал утрату. Собственно говоря, все, что я Вам поведал, мне самому стало известно от посторонних лиц, по большей части соседей, и за абсолютную достоверность этих сведений я поручиться не могу.

Совершенно точно могу сказать лишь о том, что отец безумно любил мою мать, и что она действительно была дочерью графа Серхио Кавьедо. Знаю еще, что впоследствии граф очень сожалел о собственной несдержанности и после смерти матери несколько раз даже пытался примириться со своим нежеланным зятем, но на этот раз уже отец проявил железную решимость и идти с ним на мировую категорически отказался. Как бы то ни было, но своего деда я знал только понаслышке и лично с ним ни разу не встречался.

Отец воспитывал нас один, и я очень благодарен ему за то, что он не «осчастливил» нас с братом мачехой. Он не слишком баловал нас, с малых лет приучая к работе. По его словам, наибольшее удовлетворение в жизни приносит не то, что свалилось тебе на голову в виде богатого наследства или сословных привилегий, а то, чего ты добился сам, своим умом, своими способностями и своими собственными руками. Только достигнув какого-то положения в обществе самостоятельно, ты начинаешь ценить его, и только это место является истиной оценкой тебя как личности. Возможно, в его взглядах есть какие-то изъяны, ведь для достижения своих целей у разных людей разные стартовые позиции, но такой подход к делу заставляет искать проблемы в себе, а не валить собственные неудачи на других и несправедливость общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.